

ПАВЕЛ ФЁДОРОВ

ГОРОД
ПОД ОБЛАКАМИ

Павел Фёдоров
Город Под Облаками

«Автор»

2017

Фёдоров П. Ю.

Город Под Облаками / П. Ю. Фёдоров — «Автор», 2017

Повесть «Город Под Облаками» О судьбе человека под непосредственным влиянием судеб людей прошлого, о важных вопросах приемственности и ответственности каждого за свои поступки и решения. Рассказ «Встреча» Рассказ о том, как человек и искусственный разум путешествуют в виртуальном пространстве по энергетическим планетам. Во время путешествий они беседуют друг с другом о человеке и его роли в этом мире с точки зрения понимания этого искусственным разумом (интеллекта). Рассказ «Совет Миров» Рассказ о том, как в далеком будущем человек видит и оценивает свое прошлое, то есть наше время. О том, как он мыслит путь своего развития в будущем и, как прошлое способно повлиять на его выбор.

Эссе «О Музыка» Рассказ о том, какое возможное влияние может оказывать музыка на мироощущения человека в целом, его ассоциации и образы, возникающие при этом.

© Фёдоров П. Ю., 2017

© Автор, 2017

Содержание

«Город Под Облаками»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

«Город Под Облаками»

Вечерний парк
Беспомощны среди груды камней восклицания города
Я тебя не молчу, я тебя собираю
В своей незащищенно ранимой судьбе
Не ты ли всегда говорила о чуде воскресшей души
О летнем цветении роз
Не ты ли всегда пела песни земли
Молчаливо зимней природы
Благодарно молчащие камни тебе подарили одинокий город
Свое впечатление от мокрого лета – пустынные парки
Аллеи деревьев, без ветра движению чужды
Лишь лебедь с водою, качаясь, расскажут о мудром решении
Богини природы.

Комната уже заполнялась дымом, который белыми полосами, каким-то пульсирующими частыми интервалами просачивался через щели дверей. Как будто кто-то снаружи резиновой грушей и при этом торопясь, через равные интервалы задувал дым в комнату. Дым ел глаза, нескончаемым потоком текли слезы, и было нестерпимо горячо, дышать было очень трудно, в горле стоял обжигающий комок, который было уже невозможно проглотить или выплюнуть, приходилось с трудом всасывать в себя жесткий, грубый и разрывающий горло дым. Раздался треск, сверху что-то упало, и потолок вдруг прогнулся, показались языки пламени в образовавшемся на потолке проеме. Четырехлетняя девочка, сжавшись в комочек в углу на кровати, закрылась с головой под одеяло, она не плакала и не кричала, а только звала шепотом мамочку, умоляя ее скорей придти и забрать ее отсюда, где так страшно и больно. Раздался оглушительный грохот, на одеяло снаружи навалилось что-то тяжелое, мягкое и все тело девочки пронзила чудовищная боль... В забытьи она чувствовала, как какие-то сильные руки ее бьют и катают плашмя по чему-то очень жесткому и больному, вокруг раздавались крики, было темно, потом ее с головой закутали во что-то..., боль была жгучей и нестерпимой, но девочка не произносила ни звука.

Девочка сидела на подоконнике и с надеждой смотрела на улицу, сейчас из-за поворота должна показаться нянечка, она добрая, ласковая, девочка, порой, часами ждала ее, так вот сидя на подоконнике и глядя в окно. Лечили ее долго, ожогами было сильно поражено плечо и часть спины, приходилось все время лежать на животе. Она очень боялась доктора в белом халате и круглых очках, который часто приходил и, не говоря ни слова, начинал делать ей больно, а нянечка, всегда была рядом, она держала девочку за руки, гладила по голове и приговаривала: «Ну, Наточка, солнышко мое, зайчик мой, сердечко мое..., ну потерпи немножечко, ну сейчас дядя доктор только помажет тебе спинку и все пройдет...». Наточка кричала и плакала от страха и боли, крепко вцепившись в руки нянечки, а потом доктор уходил, так и не сказав ни слова, только приподняв свои круглые очки он вытирал большим белым платком себе лицо и глаза. Дверь за ним закрывалась, а нянечка, не давая Наточки вставать, по-прежнему приговаривала: «Ну, вот и все, и все закончилось, радость моя, голубушка моя, счастье мое... – при этом целуя ей ручки и прижимая их к своим глазам, – Наточка скоро поправится, нянечка принесет красивое платьице, и пойдем гулять в Таврический сад, там большущая каруселька, Наточка выберет самую красивую лошадку и поедет на карусельке, а нянечка

будет махать Наточки платочком... – Наточка переставала плакать, только иногда всхлипывала, внимательно слушала, постепенно успокаивалась и начинала улыбаться.

– Бабуля-а, Бабуль, – голос откуда-то из далека вернул ее к действительности, – что же это я задумалась, совсем забыла про внука, Валюша, он же у нее в гостях сегодня, к сожалению не часто он приходит к ней, а жаль, с ним так приятно посидеть, почаяевичать, поговорить, да и просто от того, что он здесь, рядом. Воспоминания почему-то в последнее время вдруг стали часто одолевать ее, вспоминалось детство, как сгорели родители, как она жила в детдоме и ... сколько все-таки много в ее жизни трагичного, но почему так? Почему ее спасли из огня и кто, неизвестно, просто вошел и именно ее выбросил прямо в окно на снег, а родителей нет?

– Бабуль, ты куда-то пропала, что случилось ...?

– Да, так, ничего, – бабушка виновато улыбалась, сразу засуетилась, надо же подогреть чаю, а то совсем остыл ...

– Бабуль, ты знаешь, я, вдруг, о чем подумал, – бабушка приготовилась слушать, она очень любила слушать внука, он мог говорить часами о самых разных вещах и он, как никто, приносил в ее жизнь свежее дыхание жизни, той, которая ощущалась за пределами ее комнаты, о том, что ему важно, но не сплетни, а размышления – его мысли, он старался с ней ими поделиться, – прямо как его дед, как жаль, что они не застали друг друга.

– О чем же ты Валюша подумал?

– Я вот сейчас сижу здесь, пью чай, и вдруг поймал себя на мысли, что это уже было до меня намного раньше, но со мной, что вот настолько все знакомо, как какая-то внутренняя память, что ли. Ты представляешь?

– А что ты так удивляешься, это вполне возможно ... и у меня такое бывало.

– Несколько лет назад поехали на опытный завод, выхожу в перерыве во двор, а там под навесом стоит какой-то дизель-генератор, и до того он мне и все вокруг показалось знакомым, прямо не по себе стало, остановился посередине двора, оглядываюсь, я ведь первый раз там был, ну знаю я все это, был уже здесь и все это видел, причем именно не просто так мимоходом, а что-то очень важное, прямо родное какое-то для меня. Ты знаешь, все странно это, все эти воспоминания, встречи. Вообще-то я вот о чем тебя хотел порасспрашивать, я тут у тебя порылся немного, поискал, ... помню, что были у тебя старые книги, вот эти, – Валентин показал на стопку книг, очень потрепанные отдельные тома старого издания Льва Толстого, – еще в детстве видел, как ты все читала их, но как-то украдкой, сядешь ненадолго в уголку, откроешь на закладочке и читаешь... а потом плачешь, точнее не плачешь, а слезинки вытрешь платочком и заторопишься. Я все время замечал, что ты не очень хотела, что бы кто-то видел, как ты читаешь. Почему?

– Нет, Валюша, ну что ты, конечно, я никого не стеснялась и не скрываю, что люблю читать. Ведь эти книги мне подарил твой прадед, да-да именно твой прадед, но не сам, слишком гордый был, а через своего сына – твоего деда. Как приедем к ним летом на дачу, я сяду тихонько, чтоб никому не мешать на веранде и читаю. А твой прадед все замечал, вот он мне их и подарил. Вообще-то было полное собрание, но после войны остались только эти... тогда не думали об этом.

Валентину очень хотелось расспросить бабушку рассказать поподробней о войне, блокаде, как они тогда жили, что видели, о чем думали, но он хорошо запомнил тот единственный вечер, когда бабушка вдруг неожиданно, немного, но рассказала:

– Когда война началась ... мы тогда у Смольного жили на пятом этаже, дедушка твой сразу на фронт ушел, а я с двумя детьми..., ну как с ними быть, не побегаешь во время налета с пятого этажа, одному пять, второму два, вот я и перестала спускаться в бомбоубежище: будь, как будет – накроет так всех сразу. Тогда Оля пришла, собрала наши манатки и сказала, чтобы я перебиралась к ним, так всю блокаду вместе две семьи и прожили. Только благодаря Оле и выжили, ох и силища, воля у нее, не то, что я. Я ей как-то говорю: Оль, давай все сразу съедим,

хоть наедемся один раз и все, а она мне: «вот на ключ, видишь, в буфете все пайки запираю, только пусть попробует кто-нибудь подойти, себя не узнает» – Достанет хлеб, по ломтику каждому нарежет, а дети смотрят, не отрываясь ... Я обычно карточки отоваривать ходила и всегда твоего папу с собой брала. А он аж прозрачный, до того худой. Вот заматаю его, возьму за руку и иду с ним нога за ногу, за собой волоку. Домой иногда заходила посмотреть, как там. В темноте на лестнице наткнулась на что-то, смотрю, труп – соседка из двадцатой квартиры, перешагнула и дальше пошла, только и подумала, что надо не забыть сказать кому-нибудь. Специальные отряды ходили по домам, проверяли – живы или нет, трупы собирали. Как-то сидим вечером за столом вокруг огонька, а папа твой вдруг вздохнет и погасит огонек: опять погасил, а ну иди к соседям зажигай, он пошел, возвращается и говорит: «А там темно и они лежат на кровати...», – умерли, значит. – Потом бабушка как-то выпрямилась, глаза широко открыты и смотрит куда-то в пространство, но не далеко, а перед собой и говорит: – Валюша... тебе даже не представить, что это такое, ... даже не представить, – закрыла рукой рот и головой так тихонько покачивает, как будто говорит: «...да что же это такое..., как же можно так...!»

Валентин был поражен не столько рассказом, как этим безмолвным взглядом бабушки – такого остановившегося горя в ее памяти, что с той поры он дал себе слово больше никогда не напоминать ей, даже косвенно о войне. Он понимал, почему бабушка никогда не рассказывает о войне, но он так же понимал, что ему необходимо понять, пусть это горько, страшно, больно, но все равно он должен понимать такие события, их сущность и место в его жизни и жизни людей. Оправдываются ли они в какой-то степени, или прощают, как жить с этим, как вести себя, даже не для того, чтобы, как говорят, не повторять ошибки отцов, вовсе не из-за этого. Валентин столкнулся лицом к лицу с этим своим навязчивым и не дающим ему покоя чувством необходимости понимания неожиданно, но, как он думал тогда, понимания чего-то важного, может быть даже самого главного. Еще в молодости, когда в самое беззаботное утро, гуляя с детьми в парке, он наслаждался солнцем, морозным воздухом, таким чистым и искрящимся снегом. Дети бегали, катались на санках с горки, смеялись и вот в этот самый момент его пронзила, буквально ошеломила мысль о том, что дети его, как раз в том возрасте, такие беззаботные, счастливые, когда его отец в этом же возрасте, может быть, в такое же морозное солнечное утро шел с матерью за хлебом, видя вокруг разрушения, голод, смерть – Войну! Но, как ни странно, самое страшное, что помнил отец – это голод, голод на всю жизнь, не просто голод, не победившего человека, а голод, который застыл в его памяти. Пусть в доме полно еды, какой угодно, но если нет хлеба, отец не сядет за стол: «... ну, как без хлеба...?»!

– Бабуль, а ты когда перечитываешь «Анну Каренину», ты о чем думаешь, что тебя больше всего волнует или радует?

Бабушка задумалась ненадолго, Валентин смотрел на нее, такую маленькую, хрупкую, как она по привычке поджала кулачком щеку, облокотившись о стол. Бабушка вспомнила, как однажды, когда Вале было, наверное, лет пять или шесть, не более, она спела ему сиротскую песню, которую они с ее подругой Паней еще маленькими девочками пели на ступеньках Биржи, и она вспомнила, как он тогда внимательно и удивленно слушал ее с широко открытыми глазами, а потом, неожиданно, разревелся в полный голос. Вот после того случая Бабушка старалась больше не пугать внука.

– Давай я тебе немножко расскажу. Как дом наш сгорел, то я после этого еще несколько лет в детдоме жила. Ну, а как в школу пошла, то мы с Паней ...

– С тетей Паней, это та, что на первом этаже живет? – перебил ее Валентин.

– Да, она ..., так вот, с Паней стали убегать к Бирже, на «заработки»...

– Бабуль, а это какой год был, когда ты в школу пошла?

– Да никакая это была не школа, просто приходил учитель и все здесь, от мала до велика, в одной комнате. Двадцать второй или двадцать третий, я уж и не помню. Ну, кто с нами возиться будет, сам подумай, по сути, безпризорники, хорошо, что не голые ходили, одеть было что.

Вот мы с ней сядем на ступеньках Биржи и поем, может монетку кто бросит, а почти всегда кто-нибудь нанимал на работу: подмести там, убрать или приготовить, понычаться..., мы все умели. Вот один раз мимо проходит пожилой мужчина, представительный такой, прямо барин, остановился напротив и спрашивает: «А вы что девочки здесь делаете?» Мы, работу ищем, приготовить можем, убрать, понычить ребенка или дров натаскать, вы скажите, мы все сделаем. «Ну, раз все можете, тогда идемте со мной». Приводит нас к себе в квартиру, а там книг, видимо-невидимо, до потолка книжные шкафы, квартира большущая. Он архитектор был и один жил, жена умерла, и ни кого у него больше не осталось, вот мы и стали к нему два раза в неделю прибегать днем, убрать, дров натаскать да наколоть, печи же везде были. А он строгий был, все проверит, чтобы чисто везде было. Мы ему и еду готовили, а ты сам подумай, ну что мы могли приготовить, только самое простое, картошки наварить, каши, в общем самое простое, но он за это на нас никогда не ворчал. Усадит нас за стол, полную тарелку наложит всякой еды и смотрит, как мы едим, а сам не притронется. Потом усадит нас на диван и давай нас учить: читаем, считаем, пишем. Так я к нему с Паней два года ходила, вот и вся моя школа. А потом меня разыскала и из детдома забрала тетка, я переехала к ней жить и больше архитектора не видела. А архитектор всегда нам так строго выговаривал: «Вы девочки вырастите, большими станете, работать пойдете, но, где бы вы ни оказались, всегда, как можно больше читайте. Возьмите это себе за правило. Нельзя, ни в коем случае, читать что попало, надо читать только настоящие книги». Мне так нравилось читать у него, особенно Толстого, уж не знаю, что я там тогда понимала, но он строго так говорил, когда я читала вслух, что, мол: «Очень выразительно произноси при чтении все нюансы, каждую фразу закончи, вслушайся, как будто это ты говоришь, слушаешь и живешь за героев, прямо там – среди них находишься. Только тогда поймешь и полюбишь читать». Вот с тех пор я и люблю больше всего читать Толстого. ... Когда мы уже взрослые были, приехали с Паней к тетке погостить, сидим на скамейке у забора, позади дома, а впереди, недалеко, на тропинку два молодых человека вышли, в форме, такие красивые, увидели нас и идут по тропинке прямо к нам, а Паня вдруг возьми и скажи: «Вон смотри Ната, женихи идут», и представляешь, вправду, мы за них замуж потом и вышли. Дедушка твой, тогда в железнодорожном институте учился, так неожиданно познакомились, а потом и поженились. Поехали мы с ним в первый раз к его родителям, знакомиться, я как вошла к ним в дом, так и обомлела, как у архитектора, книжные шкафы с книгами до потолка и все полные собрания: Толстого, Пушкина, Достоевского, Лермонтова, Куприна, Тургенева, Чехова, ... и ноты, ноты, пластинки, видимо-невидимо. А петь, как любили, усядемся вечером все на веранде и поем. Дед младший был в семье, у него еще две сестры и два брата были, вот видишь, как вышло, ты никого не застал в живых.

Валентин слушал свою бабушку о ее детстве, замужестве, о том, как судьба неожиданно и по своему распоряжается жизнью людей, но как-то не внимательно, в пол уха, его все больше в ее рассказах подталкивало к мысли о том, что есть некая предопределенность во всем и в том числе его самого, родных и близких, через случайности, совпадения или все таки нет, а есть своя жизнь, свой выбор.

– Бабуль, а почему именно Льва Толстого вы читали у архитектора? Ты же тринадцатого года, да?

– Да, тринадцатого, а дедушка – десятого. Но, он в пятьдесят третьем умер. После войны у многих фронтовиков, как будто что-то внутри сломалось, перегорело, они очень быстро умирали и неожиданно. Я даже подумала, что война это, наверное, такое испытание, напряжение, что после победы у них не осталось сил, что ли, или желания жить. Они попросту уходили отсюда. Архитектор, был очень такой властный, строгий, даже наверно суровый, голову всегда высоко так держал, как будто на все сверху вниз смотрел. Но он уже совсем старенький был, медленно так ходил и говорил, все больше в себя был погружен, все размышлял над чем-то. В первый раз, когда он нас привел к себе, мы сразу так шустренько у него в комнате приби-

рать начали, квартира у него очень большая была, а жил он только в одной комнате, в которой раньше библиотека была, так вот он теперь в ней и жил постоянно. Камин там стоял, большущий, а перед ним диван и кресла, вот мы рассядемся перед камином, тепло, и начинаем читать, а почему Толстой, да я и не помню почему, но мы не только Толстого, а и Пушкина, Бажова и Тургенева, даже Достоевского читали, как сейчас помню, достал он книжку из маленького шкафчика, постоял с ней, а потом мне протягивает, «Неточка Незванова», так мы эту книжку до конца прочитали. Но ты знаешь, я, когда уже постарше в школе рабочей молодежи училась, то совсем по-другому нам все давали, галопом: давай-давай. А с ним очень интересно было, ну ты представляешь, сам посуди, «Анну Каренину» в девять лет читать, а он ведь не просто слушал, а помолчит немного и спрашивает: «Настенька, вот скажи, пожалуйста, голубушка, почему графа Льва Николаевича Толстого так трогала и волновала жизнь этого мальчика, в чем ты видишь его участие в судьбе него, в тот период жизни, когда так не спокойно на душе, так все неопределенно и трагично для милых его сердцу родных ...?». Беседы у нас с ним по несколько часов длились и все о судьбе или счастье...

Валентин начал понимать, что бабушка, каждый раз, когда садилась с книгой Толстого, как бы переносилась туда, в то время – в один из самых для нее трудных и одновременно дорогих и, может быть, счастливых периодов в ее жизни. Он представил голод, беспризорничество, двух маленьких одиноких девочек и одновременно беседы о Толстом – о его мыслях, чувствах, переживаниях, о каком-то мальчике, даже для них реально не существующем, из книги. Валентина так взволновала эта мысль, что он стал нервно расхаживать по комнате, заложив руки за спину и погружившись в раздумья. А еще его поразили вспомнившиеся неожиданно, давно еще рассказанные ему ею воспоминания о том, что когда они варили кому-нибудь кашу или картошку, то, как бы не были сами голодны, ведь ни крошки не брали чужого без разрешения – не брали, хотя еда вот рядом, никто и не заметит, но чужого взять не смели, не могли, не позволяла совесть, так были воспитаны. Немыслимо, еда для того, чтобы даже не жить, а просто выжить, но для нее нет, совесть выше – не преступишь.

– Ты знаешь бабуль, я вдруг поймал себя на том, что уже давно не могу читать запоем, как раньше в молодости. Помню в школе летом в деревне всего Достоевского, все пятнадцать томов одним махом, от корки до корки. А сейчас, страницы две-три прочитаю и достаточно, как ты говоришь: беседую, и все о судьбе, о счастье... я вдруг почувствовал какое-то резкое неприятие и даже раздражение от всяких там изречений, умных мыслей, притч, всех уровней мудрости и просветленности, я их просто не воспринимаю – пусты они, безлики, ... надуманны. То, что раньше так меня занимало, увлекало, сегодня почему-то раздражает. Месяц назад, я собственно и хотел тебе это рассказать, еду в метро, а чего-то далеко надо было ехать, долго, дай думаю, почитаю. Открыл планшет, у меня там огромная библиотека, пролистываю и все так пресно, вдруг смотрю – Достоевский, я уже лет тридцать не открывал ничего, – Валентин, опять встал и начал как-то нервно ходить, потирая руки и не решаясь открыться бабушке, потом, собравшись с духом, сказал – бабуль я в шоке, нет, не то, я потрясен, я просто поражен... ведь каждое ж, каждое слово знакомо, а начал читать, и вдруг..., я просто увидел, почувствовал, как молодой человек спускается по лестнице: «Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти пристаивания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, – нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.» – ... бабуль у меня слезы потекли по щекам, прямо в поезде, среди народа, грохота, а в горле комок, просто задушил, я сейчас тебе это говорю, а сам... Это не литература, это не романы, и вообще я думаю, что это совсем, понимаешь, совсем другое. – Валентин весь раскраснелся и говорил, как будто и не бабушке, а тому архитектору из рассказанного прошлого: «Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся ...», – снова прочитал Валентин, – эта убогая обстановка, жара, ... бед-

ность, глаза его, руки, все нервное, обостренное... на пределе... нет, за пределом человеческих возможностей, понимания, приятия, и всему этому название: «Преступление и наказание», это уже не художественное осознание чего бы то ни было, не-ет – это миропорядок. Ведь, понимаешь бабуль, для того чтобы что-нибудь написать, сочинить, человек долго обдумывает, размышляет, пока не появляется ключевое слово или понятие, образ, который связывает воедино весь замысел и уж только после этого все начинается, разворачивается, происходит происходящее с тобой – ведь в этом сама жизнь. Но представь, вот он готов написать, садится, и что происходит, ведь вся накопившаяся энергия замысла сгенерирована сейчас в точку, в начале – она главная, основная, как источник, далее уже процесс запущен, он самостоятельный. И я вдруг там, прямо в поезде, понял, если существует понятие духовности, то это именно Оно! Это священные писания, ты только вслушайся: «Война и Мир», «Преступление и Наказание» – это же основа основ мироздания, фундаментальные общечеловеческие понятия – образы и не в каких-то там вырванных заумных просветленных высказываниях неизвестно кого, неизвестно о чем и, самое главное, кому они?, да не кому, а самому себе, а вся русская литература, да, наверное, даже все русское искусство пронизано духовностью, она, да..., именно она и есть истинный источник русского художественного образа, но только того, о котором он говорил, помнишь: «Читайте только настоящие книги», вот это именно оно и есть, то самое – духовное, настоящее – это Русская мысль! – неожиданно подытожил Валентин.

Бабушка слушала Валентина не перебивая и не глядя на него, а подперев рукой по привычке щеку, ее взгляд был устремлен куда-то далеко в прошлое, а может быть и в будущее.

***

Весенний промозглый день, только что упал мокрый снег и теперь все в воде, в белой воде. Они встретились у ограды Михайловского сада, стоят рядом и смотрят друг на друга. Нет, пожалуй, он рассеян. Снег, черные деревья, уже смеркается.

– Нет, Валя, ты должен меня понять, ты думаешь, они врут?

– Нет, я так не думаю.

– Тогда чего же ты злишься?

– Злюсь? Нет, ну что ты, я не злюсь, было б из-за чего. Они сильны, безбожно сильны! Слушай вот ты «психолог», во что или в кого верить человеку? Некоторые говорят в человека, что ж получается, самому в себя верить? Некоторые в бога, который сотворил этого самого человека. Значит он, что ж – мои батюшка и матушка, которые породили меня? Ничего не скажешь, хорошо устроились, я же не верю в родителей, а просто верю родителям, кому еще можно верить они же есть, это же самое естественное что существует и самое простое. А чего им верить, зачем, я, что, в чем-то сомневаюсь, что ли, или о чем идет речь? Верить, не верить..., придуманное это все, пустое, не об этом думает человек в своей жизни...

Она неотрывно смотрела в его лицо, в это сосредоточенное лицо. Но, она знала, что за этой вдумчивостью, сосредоточенностью, видимостью отрешенности и скепсиса – ураган, бушующий и не имеющий возможности вырваться наружу. Не подавляемый волей и силой, а ищущий решения.

– Но, Валя, физическая боль это же совсем ничего, это даже не страшно, вернее страшно, но очень стыдно, что страшно. Я знаю, это слабость. Представляешь, человек любит, любит, как может любить, и вдруг все кончается. Кому-то некогда или, там, не хочется. И вот он остается со своей любовью наедине, никому не нужный.

Лена нервничала, говорила скороговоркой и чего-то ждала. Валентин заметил это, она что-то хочет сказать и ждет, не решается.

– Ты чего, что с тобой, как не в себе, что-нибудь произошло?

– Ты помнишь, здесь, на этом самом месте мы с тобой познакомились? – Лена смотрела широко открытыми глазами и ждала чего-то.

– Здесь? Нет, мы с тобой познакомились не здесь, а ... там, в студии, ну я помню точно когда, но не здесь.

– Нет, мой милый, – думала про себя Лена, – мы с тобой познакомились на этом самом месте сегодня поздно вечером, за два с лишним года до встречи в студии. Но ты не помнишь. Помнишь ли ты тот вечер, я не знаю, но ты не запомнил тогда меня.

Валентин тогда не стал драться, его ударили наотмашь, цинично по лицу. Их было пятеро, и они были довольно крепкие парни. Подвыпившие, они преградили ей тогда дорогу, вот на этом самом месте, и, нагло ухмыляясь, стали куда-то настойчиво звать с собой. Они окружили ее, и она прижалась в испуге к ограде вот в этом самом месте, начали ее тащить куда-то, а она от отчаяния и бессилия даже потеряла голос и только расплакалась и пыталась освободиться от них. Но, неожиданно, откуда-то появился молодой мужчина и остановился позади них. «Оставьте ее», – его голос был тихим, но Лена в ужасе оцепенела от него, такая в нем чувствовалась воля и сила, ... он им не оставляет выбора, они его сейчас убьют, только и думала почему-то Лена.

– Отвали, козел, – раздался удар по лицу.

Валентин стоял, не шевелясь, неожиданно беззвучно он взял Лену под руку, отстранил их и увел ее. Их не догоняли и не окликали. Было тихо.

– Вам куда? – спросил он, думая о чем-то своем и не обращая на нее внимания.

– Мне..., мне на семерку, – семена рядом с ним и утирая слезы, пробормотала Лена.

Ни слова больше не говоря, он довел ее до автобусной остановки и молча дождался, пока не пришел ее автобус. Она пыталась благодарить, но он резко оборвал ее: «Ничего не случилось, ваш автобус, счастливо...» и, не оборачиваясь, ушел. Вот такая была их первая встреча. Лена вспоминала, в каком она тогда была отчаянии и все пыталась разобраться в случившемся, в себе, в нем: «Что же это, разве можно вот так, проходя мимо, почти не замечая, совершить такой великодушный поступок, наверное, даже геройский, и не помнить этого. Все равно, что если бы я поскользнулась, а ты мне помог подняться. Но, здесь же честь, ... честь и достоинство были затронуты». Так думала Лена, сидя в ту далекую ночь у себя дома.

– Ты тогда не о своем достоинстве думал и чести, а о моей заботился, ты тогда меня спасал, и, как бы сложилась моя жизнь, не появившись ты тогда из ночи – произнесла про себя Лена, они не спеша шли по аллее Михайловского сада, взявшись за руки, и каждый был погружен в свои думы или воспоминания. Зажглись фонари, осветив мокрые черные кроны деревьев.

Да, это было давно, очень давно. Только через более чем два года после этой встречи на улице они снова встретились у нее в студии, снова познакомились и уже больше не расставались. Студия когда-то принадлежала отцу Лены, он уже старый человек в свое время был известным театральным художником и в студии до сих пор сохранились макеты сцен из различных спектаклей, фильмов, рисунки, схемы, планы. Все это досталось Лене, но она не спешила расставаться со всем этим прошлым. Лена, когда еще училась в консерватории, приглашала своих друзей и просто знакомых, теперь уже в ее студию на музыкальные или литературные вечера, которые студенты с удовольствием проводили шумно и весело. Со временем студия стала местом, где исполнялись впервые произведения композиторов или небольшие сценические постановки режиссеров, выставлялись картины или скульптуры. Но все это было на добровольных началах, просто потому, что было некое место в городе, где многие интересные друг другу люди могли иногда собраться вместе, что-то обсудить, поспорить, показать или просто помолчать.

«Птица сидела на вершине самой высокой скалы. Огромная белая птица с черной головой и шеей. Сидела на вершине, на самом краю и смотрела за горизонт. Там, далеко-далеко, было то, о чем она все время мечтала. Там был безграничный океан. Птица упала со скалы и понеслась камнем вниз. Скорость нарастала и когда уже до камней, торчащих из воды, остава-

лось совсем немного, она с шумом расправила свои огромные белые крылья и с криком взмыла над океаном и понеслась от берега вперед, за горизонт между водой и небом».

В тот вечер к Лене подсел один хороший знакомый режиссер и спросил, можно ли ее познакомить с одним человеком, который придет сейчас сюда, он ищет студию для звукозаписи на одну ночь.

– Ты что-то не договариваешь, – Лена с усмешкой искоса посматривала на смущение режиссера.

– Да, видишь ли он не совсем обычный и музыканты у него... еще те, может тебе не захочется здесь устраивать... шурум-бурум.

– Расскажи о нем поподробнее, что это значит? Ты думаешь мне не понять, не дано?

– Нет, не в этом дело, не во всём... в это надо в какой-то степени поверить. Надо каким-то образом отстраниться от всего того, что ты знаешь, что мы все знаем. Только тогда и то не всем, некоторым, иногда удается пробиться через завесу... знаешь такое состояние, когда ты остался наедине с пространством. Мы, Лена стоим на вполне четком, понятном и осязаемом воспитании: нравственном, логическом, умозрительном, на котором практически все держится, устойчиво... понимаешь, потому мы делаем вид, что понимаем друг друга..., а они, они же одержимы идеей. Все началось несколько лет назад с того, что в инете появились на нескольких экспериментальных форумах некие псевдомузыкальные композиции под ником Velen. Сначала никто не обратил особого внимания на данные звуковые эксперименты, мало ли что там получилось у кого-то, так продолжалось несколько лет. Но, некоторые уже тогда внимательно анализировали и следили за данным направлением. Его композиции не просто очень интересны, а пристально уже специально изучаются, но, я бы сказал только теми людьми, которые поняли, что это уже не музыка и не театр..., главное не мешать, он сам потом расскажет или нет..., но не в этом суть. Помнишь, мы с тобой говорили как-то, что одни музыканты закрывают для слушателя музыку, а другие напротив открывают, так вот, здесь какой-то третий – срединный, объединяющий путь, каждый является одновременно и автором, и слушателем, и исполнителем, она не закончена, а скорее..., по мне, так даже не начата, это конечно мое восприятие, но иногда у него можно услышать настолько потрясающее звучание..., но только иногда, он ищет, ищет, и, уверяю тебя, он найдет свой звук... вот, наверное, самое правильное определение его творчества, он предлагает образ звука, притом у каждого человека он свой индивидуальный. Каждый его воспринимает как свой.

– Ты меня заинтриговал, – улыбнулась Лена, – а почему они не хотят пойти в нормальную студию звукозаписи?

– Они ничего не пишут, если можно так сказать, я пытался им помогать, ну там микшировать, сводить и прочее, но им это не нужно. У них получаются очень не качественные записи, но их это не волнует совсем, как получилось, так и получилось, не в этом суть. Да вот он идет.

Лена увидела, как в зал вошел мужчина лет около тридцати, среднего роста светловолосый и нерешительно остановился у стены, осматриваясь по сторонам, чуть прищурившись, пытаясь разобраться в незнакомой обстановке, но увидев режиссера с Леной, направился к ним. У Лены, при виде мужчины, сердце упало, она буквально оцепенела и не могла думать, шевелиться, это был тот мужчина, о котором она вспоминала почти каждый день вот уже два с лишним года, это был тот, именно тот, который в тот поздний вечер спас ее. У него было открытое, приветливое лицо, он чуть улыбался и видно немного смущался.

– Вот, позволь представить – Валентин, – режиссер встал, поздоровался с ним за руку, – а это Лена, хозяйка студии, так что будьте знакомы.

Лена чувствовала, что начала густо краснеть, а сердце бьется так сильно, что непременно выпрыгнет из груди. Она была уверена, что он сейчас узнает ее и неловкость и так сковавшее

ее еще усугубится невнятными объяснениями, воспоминаниями. Но он не узнал, он видел ее впервые.

– Я уже Лене немного рассказал о твоей просьбе, ну вы уже теперь сами разберетесь, а мне пора, – режиссер демонстративно раскланялся и ушел.

– Понимаете, у меня не студия звукозаписи, здесь раньше работал художник по декорациям, а теперь я здесь, играю, что-нибудь леплю для себя или рисую, ...иногда собираемся, ...сами видите, – Лена с трудом выдавливала из себя слова, изображая хозяйку, искоса поглядывая на Валентина.

В зале было человек десять, все они собрались вокруг мужчины, который развивал тему о том, что следует ожидать большего прогресса, пожалуй, по его мнению, от единственно настоящего перспективного, на сегодня, африканского континента. Он говорил, что в силу объективных обстоятельств континент (по-видимому, он имел в виду население) имел до последнего момента некоторый принцип замедленного – не форсированного развития и это дает повод надеяться, что он не подвержен заикливанию общества на себя, которое наблюдается в общественном самосознании Европы и Америки. Пока Африка не заняла подобающего ей экономического статуса и не имеет своей законченной модели общественного развития, но современное лицо этого развития, несомненно, проявится и мы получим самобытное, способное со стороны оценить и принять действительно достойное все то, что пока было создано на сегодняшний день наиболее развитыми странами. Через некоторое время разговор перешел на театр и одна женщина все нахваливала какого-то режиссера, который, несомненно, талантлив и т.д. Спор зашел о самом понятии таланта, одни склонялись, что талант это лишь работоспособность, другие – что надо рассматривать несколько шире и, что это не только замысел и теория и, даже не практика воплощения. Кто-то спросил: не много ли талантливых людей, а то, как появится что-нибудь оригинальное, отличное от обыденного, так сразу талантлив. Может быть, они просто более развиты в чем-то, искуснее или умнее несколько, чем основная масса обывателей.

Лена сидела и думала о том, что Валентину, судя по тому, как он слушает, скучно здесь, он сейчас просто уйдет и надо что-то делать, а не сидеть в пустую, изображая из себя радушную салонную хозяйку интеллектуального общества.

«Огромная птица парила над океаном. Уже давно исчез из вида берег, родные скалы. Только океан, небо и между ними одна она. Без взмахов крыльев и остановившаяся в бесконечности она ощущала, что ей подвластно все: пространство, время и сила».

– А вы Лена любите театр? – вдруг неожиданно, спросил Валентин.

– Я, да как вам сказать, помните мультфильм: «Безумно!», – засмеялась Лена, – я толком и не знаю, так, хожу иногда, а больше дома сижу, я же ведь музыковед, пишу об истории искусства, – многозначительно и шутливо произнесла Лена.

– Да, а знаете, я думаю, что вы могли бы стать актрисой, в вас есть внутренняя одухотворённость, что ли, она очень ярко отражается у вас на лице, в движениях. Вы честны в своих переживаниях. Честность, правдивость, именно они должны править искусством, а не наоборот.

В зале поднялся шум, все спорили о чем-то, доказывая, и перебивая друг друга.

– В прошлый раз они, – Лена кивком показала на спорящих людей, – обсуждали, что нет и, не может быть запрещенных тем для человека, что каждый человек имеет полное право знать без ограничений все, а уж какой он сделает из полученных знаний вывод, это его дело. Но знания, откуда их можно взять, о чем мы говорим, что подразумеваем под понятием знание? Вот я напишу книгу – это знание? Но это мое знание, я прочитала, разобралась, как профессионал, связала в единый текст разрозненные источники, и что в конечном итоге я получила?

Что, и это все? А может, я предвзято писала и мой вывод неверен – нет там, может быть, того, что в истории искусства действительно имело место, в реальности.

Валентин смотрел на нее, как она горячится, сама, перебивая себя, и пытается сразу вместить несколько фраз в одну и улыбался. Потом, всю их жизнь, на молчаливый вопрос, порой шуточный: «Почему ты заметил и из многих, гораздо более красивых женщин, полюбил именно меня?», – он вспоминал этот ее первый ответ на его вопрос, он помнил, как она, отвечая на ничего, по сути, не значащий вопрос глубоко задумалась, на короткое время, погрузившись во внутреннее созерцание и тогда он увидел ее – истинную красоту женщины, одухотворенную, мудрую и бесконечно прекрасную.

– Надо их остановить, а то еще переругаются, извините я вас на время оставлю, – Лена встала и пошла к спорящим, но по пути обернулась и мимолетно посмотрела прямо в глаза Валентина.

Валентин смотрел, как она о чем-то поговорила с гостями и они, согласившись по-видимому с ней, дружно начали составлять стулья и столы в импровизированную сцену. Было очевидно, что все им было знакомо и уже не раз проделывалось. Когда все было готово, Лена вошла на сцену.

– Я хочу вам прочитать одно стихотворение, которое совсем случайно на днях попало мне на глаза и мне очень оно понравилось, не скажу что оно хорошо собой, может это даже и не стихотворение, а просто некий речитатив, набросок, но оно каким-то неизвестным автором посвящено, видимо некой женщине с инициалами В.Е.

Лена посмотрела себе под ноги, будто чтобы в чем-то удостовериться, подняла высоко голову и стала читать на память кому-то, кто был там наверху, негромко, неторопливо и очень выразительно, проговаривая каждое слово, обозначая внутреннюю их напевность и сразу кто-то, видимо почувствовав это, сел за пианино, стоящее у стены, и стал очень тихо аккомпанировать, не перебивая, а дополняя общее звучание:

«Любви я посвящаю сегодня мысли
Кто скажет мне, люблю ли я?
Иль нет?
Как похороны по мечте ответ
Безмерно горе пустоты
Но здесь сам Бог не утрашится
Я признаю тебя Любовь!
И чувство страсти и безумства
Я ль не люблю? Прости
Любить насильно не умею
Учиться? – смысла нет
Не так уж я умен, чтоб задушить порывы сердца
Не стар я вовсе и потом ...
Ведь если нет любви, как жить, как думать?
Не имея сердца?
Прекрасный образ сохраняя, в груди ношу
И Тютчева стихи и Пушкина тревогу разделяя,
Я их люблю за сердце, за мечты
Одна! Бесспорно есть она
Та одинокая, прекрасная любовь
И вовсе не к стихам, не к мыслям
А к образу, духовному порыву
К душе – той женщине и сыну

Чья доброта своим дыханьем
Меня возвысила – до жизни и до слез!
Беспомощность...
Беспомощность моя сильна
Не верьте, что человек живет от мысли
Любить – не значит мыслить, а значит жить!?
Творец – природа, любить заставила душой
А мозг, наш интеллект, рассудок – карта мира
Путь, по которому идем – всего лишь путь, не более
Мертво...
Кто скажет мне, люблю ли я?
Живу ли, мертвый? Увы
Беспомощен...
Ответ найду лишь сам!»

Не было аплодисментов, только возгласы одобрения. Лена немного обозначила поклон одной головой и сказала:

– Ну, что ж благодарю неизвестного автора за доверие, наверное, я выскажу общее мнение, вероятно стихи были написаны под влиянием сильной личности, я даже думаю, что стихи не нашего времени, но, человека, сумевшего разорвать это временное пространство. Здесь действительно скрыта та связующая нить, которая, может быть, и определяет связь времен. Кто-то негромко спросил: «Может, Лена еще что-нибудь прочитает из стихов этого автора?»

– Да, конечно, с удовольствием. Но я вам хочу прочитать не стихи, а небольшую выдержку из его черновика письма к Тютчеву...

Валентин встал с кресла и подошел поближе к сцене, чтобы видеть Лену, ее лицо, руки. Лена опять посмотрела себе под ноги, видимо собираясь с мыслями и обозначая пространство вокруг себя, потом поискала кого-то взглядом и встретившись с взглядом Валентина, снова на мгновение погрузилась мысленно глубоко внутрь себя, но собравшись с духом, подняв высоко голову, снова читала кому-то неведомому, как молитву или обращение:

«Ты, сумасшедший, мрачный, вечный
Твоя душа – тоской овеванной любовь
Потери, счастье и судьба
Все здесь твое – подвластно и достойно принца
Твои глаза стремятся к ней
Что может помешать? Ничто
Стремленья чувств, душа, желанья
О, вечный странник счастья и забвенья
Печальный странник – Честный
Прости меня, что знаю все
Ты счастлив был
Хотя судили за любовь
Не верь в судьбу, ты сам судьба
Задумчивый политик – Государь
Зачем им обсуждать тебя
Ты полон ею, щедр...
Так что ж с того, что все так вышло
Немного знать тебя мне довелось
Не стану делать выводов, тем более судить
Жалеть лишь стану

Как мало довелось тебя мне видеть, беседовать, мечтать
Увы, ее уж нет
Ты жив в благодаренье
Все умерло в тебе, но время...
И снова жизни ты поешь
И смерть, и счастье, и любовь
Для вдохновенья, для души бесценны...»

Лена неожиданно прервалась, постояла немного молча, мимолетно кивнула головой слушателям и стала спускаться с импровизированной сцены. Многие подходили к ней, о чем-то спрашивали, все шумно переговаривались о значимости той эпохи для судьбы всей Русской культуры и Империи в целом, государственности. Валентин не принимал участия в беседе, да и не слушал по большому счету о том, что говорили, он просто отошел к стене, облокотился и наблюдал, когда к нему подошла Лена.

– Давайте договоримся, когда вам надо освободить студию и что вам понадобится? – Лена не смотрела на Валентина, она была суха, деловита и всем видом давала понять, что не намерена разговаривать и вообще не склонна более к общению. Они договорились, что Валентин займет студию на всю ночь в ближайшие выходные и, собственно им ничего от нее не нужно, они сами все сделают, просто надо, чтобы их впустили в десять вечера и все. На этом они расстались.

***

Этих троих боялись все. И взрослые, и дети, и власти, и обыватели. Одни говорили, что они беспощадные убийцы, скрывающиеся от правосудия, другие, что наркоманы, третьи еще что-то, но все о них так или иначе думали, а раз думали, значит, знали, что с ними не спокойно, не безопасно, одним словом – страшно. Они появились ниоткуда и поселились в старом замке, стоящим на скале над долиной. Один раз поздно вечером в город, стоящий в долине, въехала машина, видно было, что это очень дорогая машина, такую никто и не видел никогда, она была очень большая для легковой и под капотом раздавался звук мотора, который говорил, что его мощь просто необъятна. Из машины вышли три человека: молодой парень лет не более тридцати, небольшого роста полный негр лет пятидесяти и девица неопределенного возраста с чудовищными шрамами на лице и руках. Они закупили большое количество продуктов, всяких разнообразных мелочей, вещей, запихали все в багажник и направились к замку, после этого их больше никто не видел, но знали, что с этих пор в замке появились обитатели. Замок стоял на скале уже много столетий, рядом с замком стоял небольшой дом управляющего, который с семьей из поколения в поколение жил здесь и следил за замком и прилегающей территорией. Хотя, на памяти обывателей, никогда в замке никто не жил, однако управляющий исправно получал жалование от неведомого хозяина. И вот, как-то раз, жители, собравшись вечером в харчевне поговорить о том, о сем после трудового дня завели разговор об обитателях замка. И все пришли единогласно к выводу, что надо сообщить властям, может их разыскивают за преступления, и они скрываются и все в том же духе, даже решили сразу позвонить и предупредить об опасности, которая угрожает жителям долины. И тут раздался из угла скрипучий голос одного из самых старых жителей долины: «Не надо куда звонить. Этого молодого человека зовут Дин – он внук старого герцога. Этот замок, вся долина, озера, реки, леса и горы в округе принадлежат его семье. Старый герцог приезжал сюда со своим внуком, когда тому было лет пять не более, я видел их и сам открывал им ворота. Я дал слово старику не разглашать, что он был здесь, потому лучше помалкивайте и не лезьте не в свое дело», – отрезал старик. Все заволновались: старый герцог, внук, да как это может быть, а почему ты знаешь об этом, может

ты лжешь? Все галдели, а старик, выпив немного из стоящей перед ним большой кружки, сказал: «Когда я был еще мальчиком, как-то в один пасмурный день за мной приехала машина и тогдашний управляющий заплатил моим родителям, потом забрал меня и отвез в замок, где я познакомился со старым герцогом, который приставил меня к своему внуку в качестве его слуги, а может и друга, я уж не знаю. Почему выбрали меня? Не знаю, только в детстве мальчиками мы вместе с ним здесь бегали, играли, вместе нас учили, как равных, – старик глубоко задумался, стояла абсолютная тишина, потом старик продолжил – после, через год, когда старый герцог уехал он забрал с собой внука и я с ним больше не виделся, до того момента пока тот не привез сюда теперь уже своего внука Дина. Но мы с ним всю жизнь, редко, но переписываемся, как старые друзья детства. Ходят легенды, что существуют на земле семьи, чьи рода исчисляются тысячелетиями и передаются только по крови внутри рода, не смешиваясь с другими родами, и что они и только они являются истинными правителями всех народов и цивилизаций человечества. Так вот, это, правда, здесь родовое начало семьи герцогов и Дин прямой потомок такого рода. Может даже самого могущественного рода, как у них ведется... по чистоте крови. – Стояла глубокая просто подавляющая тишина, каждый почему-то не смел ее нарушить, как будто боялся, что будет наказан за это, а старик, вдруг спросил, – вы никогда не задумывались, почему на протяжении всей нашей жизни, жизни наших дедов и жизней их дедов и дальше, нашу долину ничто и никто не трогает? В мире идут войны, эпидемии, ураганы, засухи, землетрясения и прочее-прочее, а нас это по какой-то причине никогда не захватывало, не касалось, не трогало, не разрушало? Просто никто и ничто никогда сюда не заходит и не нарушает установленного здесь порядка уже несколько столетий? Ну не чудо ли это? Через наши поселения не проезжают автомобили, над нами никогда не пролетают самолеты, к нам не приезжают туристы, да и мы сами, задумайтесь, ведь никто из поколения в поколение не уезжает отсюда, а почему? Почему мы живем в неизменном состоянии, как жили и сто лет до нас и пятьсот, а может и тысячу, почему? Весь мир постоянно меняется, там – за неведомой чертой или границей происходят события меняющие облик планеты, саму суть жизни людей, кроме нас? А потому, что это не мы, а род герцогов не меняется, он пришел сюда в этот мир, и живет так, как было с начала времен. Так, как мы живем в долине, таким мир был создан для людей, – старик помолчал немного и с сожалением добавил, – для всех людей, а не только для избранных, – потом он с трудом поднялся и вышел из харчевни.

Дин с самого раннего детства отличался необыкновенной сосредоточенностью. К семи годам помимо естественных наук и знаний, все европейские языки, несколько восточных и мертвых. К пятнадцати – практическое изучение и овладение мистическими культами древних цивилизаций. К двадцати годам Дин объехал почти все страны, изучая в основном историю и культуры народов мира. Он впитывал даже не знания, а он искал ответ на вопрос: есть ли на Земле что-то в обществе людей, что не подвластно его семье? И не находил. Везде без исключения вся жизнь людей сводилась к одному – к власти одних над другими и во главе этой пирамиды всегда стояла его семья. Он знал это, он видел это!

***

Как только первый луч солнца коснулся золотого шпиля, Иерофант встал с мраморной скамьи, стоящей в его любимом саду и медленно направился к храму, где у него была назначена встреча, очень важная встреча. Пройдя через портик, он вышел на площадь и как всегда, остановился перед столпом. Взглянув вверх и, удостоверившись в своей абсолютной власти, он, уже больше не останавливаясь, направился к храму. Поднявшись по мраморным ступеням, Иерофант вошел в храм – свой дом, он вошел в огромный зал, прошел мимо склонившихся на полу перед ним рабов и уселся не на трон, а рядом – на ступеньках трона, это было его

излюбленное место бесед. Храм был его домом в городе, в котором находились главные святилища Земли. Никто не мог взглянуть на Иерофанта, даже на его одежду, а только в лучшем случае на его тень. Потому у всех людей в храме на головах были опущены капюшоны. Каждого настигала мгновенная смерть, кто отваживался поднять глаза и взглянуть на Иерофанта. К ступеням низко опустив голову, закрытую капюшоном, быстро подошел молодой человек и опустился на колени, его-то и ждал Иерофант.

– Караваны подошли?

– Да господин, все караваны подошли в назначенное время.

– Ты ему передал мою волю?

– Да господин, он собрал всех погонщиков и они ждут твоего решения.

Иерофант наклонился к самому уху раба и тихо произнес:

– Передашь ему наедине, в глубокой тишине, что отныне и навсегда только он и его род – тот, кто назначает единую меру стоимости товара, и он может брать долю с каждого для себя и своей семьи, – Иерофант передал юноше свиток, перевязанный лентой, – передашь ему печать в тайне, пока она у него он судит от моего имени, никто не посмеет ему перечить.

Юноша молниеносно спрятал свиток в рукав, встал с колен и, не разгибаясь, начал быстро пятиться назад к выходу, а выйдя из храма со всех ног побежал к большой лодке, стоящей на привязи у причала на реке, недалеко от храма.

***

Валентин возвращался из студии Лены по Большому проспекту Васильевского острова, когда увидел впереди на остановке знакомую фигуру. «Петр...», – удивленно и с некоторой досадой подумал про себя Валентин, не заметно подошел к нему и встал рядом. Петр, мужчина лет сорока, в очках, очень тощий, а скорее сухой, высокий, с вытянутой вперед шеей, чем-то отдаленно напоминал персонажа Скруджа. Когда он разговаривал с кем-нибудь, то создавалось впечатление, что шея каким-то образом вытягивалась, приближая голову к собеседнику. Петр был близким другом двоюродного брата Валентина, а брат у Валентина был вундеркиндом, это выяснилось еще в первом же классе школы, откуда он сразу был переведен в школу для особо одаренных детей, вот там они с Петром познакомились и подружились. Потом вместе учились в университете, но работали в разных научных направлениях. Валентин иногда заходил к брату, и в один из таких дней, еще, будучи школьником, он познакомился у того с Петром. Отношения Валентина и Петра носили странный характер, в первый же день их знакомства он спросил Валентина: «Как дела?», – но скорее даже не спросил, а бросил мимоходом дежурно, и на вполне тривиальный вопрос, был дан и банальный ответ – нормально, – но, Петр просто клещами вцепился в Валентина – а что значит нормально? – Валентин защищался и отбивался, как мог, но, в конце концов, не выдержал и просто убежал. Но, вот что странно, с тех пор они довольно часто встречались, и никогда между ними не возникало даже намека на недоброжелательность друг к другу.

– Привет Петь, – Валентин произнес тихо и с насмешкой, стоя рядом с Петром, тот как-то сразу весь напрягся, голова на шее повернулась, и острый взгляд из под очков уставился сверху вниз на Валентина.

– А, это ты Валя, здравствуй. Что здесь делаешь, гуляешь? – змеиная улыбка очерчивала линию губ Петра, что означало хорошее настроение и, можно сказать, спасение для собеседника.

– Был тут неподалеку, волей случая, на литературном вечере...

– Ты торопишься? – перебил неожиданно Петр, он стоял, высоко подняв плечи, руки в карманах, пальто как-то вздыбилось, он ежился, и кутал подбородок с носом почти до глаз в огромный светлый шарф.

– Нет, совсем не тороплюсь, я собственно, домой, пешком возвращался.
– Тогда я тебя провожу, – не обсуждая и не спрашивая, сразу повернув и зашагав, сказал Петр.

Петр был не просто умен, видимо в силу того, что с самого детства их выделили из общего круга детей, как более одаренных и воспитывали соответствующим образом, отдельно, постоянно напоминая, что они, в силу своих способностей, являются будущим мировой науки и именно с ними связано развитие всего человечества, то у него сложилось о себе мнение, что он природой избран и назначен быть судьей всего научного сообщества. Его ненавидели все, имеется в виду все ученые, и боялись, но особенно от него доставалось физикам. Его дипломная работа была признана на уровне защиты кандидатской, которую он с блеском через год защитил и все ждали, что уже лет через пять он станет доктором и так далее. Но этого не произошло. Он работал над какими-то закрытыми темами в теоретической физике, а по характеристике брата Валентина, так тот просто считал Петра выдающимся мыслителем современности, но что-то с ним произошло. Через несколько лет после окончания университета Петр неожиданно пришел на защиту одной очень серьезной темы, разрабатываемой в течение последних нескольких лет целым заслуженным научным коллективом. После ряда научных докладов, обсуждений, когда был сделан обобщающий вывод о фундаментальной значимости данной работы, неожиданно Петр попросил слово, вышел к доске и в течение десяти минут, под гробовое молчание аудитории, опроверг все сделанные выводы, доказав их полную научную несостоятельность. И ушел, хлопнув дверью. Скандал пытались замять, любым образом, но, самое страшное было в том, что все понимали, что он прав. С тех пор, появление Петра в зале всегда означало скандал, он приходил только с одной целью – разоблачениями о несостоятельности представленных научных трудов и достижений. Конечно, Валентин был не в курсе тонкостей, данных перипетий в научном сообществе, а знал он обо всем только со слов брата, но однажды Петр сам неожиданно приоткрыл небольшую щель во всем этом и немного посвятил его в свои мысли, переживания, может быть даже поступки.

Одним вечером Валентин просматривал свои старые пластинки и только поставил одну из них, как дверь в его комнату тихонько приоткрылась и вошел Петр, он жестом показал Валентину, чтобы тот не беспокоился и сразу быстро сел в кресло. Звучала песня «Не велят Маше» в исполнении Шаляпина, пластинка была старая, заезженная, с треском и довольно плохого качества. Валентин мельком посматривал на Петра, а тот сразу как-то весь скрючился, колени острые торчат над головой, голова опустилась на грудь, а руки на животе сжаты в комок, аж побелели пальцы. После зазвучала «Ноченька» и когда пластинка закончилась, Валентин встал, чтобы ее снять с проигрывателя то заметил, что Петра всего согнуло пополам и трясло, головой он припал к коленям и руки, сцепленные в замок, поднес к губам. Валентин подошел к нему, присел на корточки и снизу заглянул в лицо Петра, оно все было мокро от слез. Петр плакал, зажимая себе рот руками и спрятав лицо в колени. Валентин не стал ничего спрашивать, просто сказал, что сейчас принесет чаю и вышел из комнаты.

Валентин вернулся в комнату, неся поднос с чаем, чашками и печеньем, Петр стоял у окна и смотрел на улицу, тихо играла музыка и ничего не выдавало в нем волнения или скорее, даже недавнего потрясения.

– Вот скажем русская песня, которую мы сейчас слышали, что в ней такого, что нас заставляет так переживать, так волнует? Гармония? Слова? – Валентин поставил поднос на столик, и они уселись пить чай, а Петр продолжал, – А может просто Шаляпин так может петь и потому..., ан-нет. Совсем не в этом дело. Ведь сам подумай, Шаляпин хоть и пел народные песни, не понаслышке, а так как их пели вокруг него, простые люди, это ведь их песни, ты понимаешь, это просто песни народа! Но он все-таки оперный певец, со своей уже сложившейся техникой профессионального исполнения, продиктованной общепринятыми требова-

ниями сценического оперного мастерства и, что самое главное, не только русского, а вообще всего мира. Какая-нибудь бабка или дед на завалинке где-нибудь в деревне лучше поют, им ближе все это, естественней. Или, скажем, вот идешь по улице или занят делами и в раздумье даже не замечаешь, как, сам про себя, напеваешь русскую песню... как вот эти, – он рукой указал на пластинки, стоящие в шкафу, – это все нормально, мы вправе петь их, ведь это наше, родное, близкое – до смерти, не меньше. Или даже больше чем до смерти! И вдруг, какой-нибудь певец вытаскивает это на эстрадную сцену и орет попу во все горло микрофона под бластной аккорд... что это, варварство или что? – голос Петра от волнения сорвался до шепота, – это не просто варварство, это измена. Этому нет оправдания и нет прощения. Мы все время думаем, что кто-то нас там хочет завоевать или разрушить наш построенный мир, что мы все встанем на защиту Отечества и не дадим врагу перейти границу и силой нашего оружия отобьемся... Нет, Валя, уже похоже не отобьемся... не от кого отбиваться, мы медленно и верно сами себя уничтожаем, вот в чем трагедия, ты понимаешь, о чем я говорю? Ты, наверное, даже не представляешь, в каком мы зловонном болоте. Какая-то безграничная пошлость, словесная мерзость, лицемерие и самое главное абсолютная беспринципность захватила наш мир. Все, уже захватила, а мы даже не заметили... а оно, это чудовище, уже нами безраздельно правит, вот в чем ужас-то всего. И все, ты понимаешь, все, счастливы... счастливы от пошлости, грязи, лжи и ... – Петр не мог больше говорить, он смотрел себе в чашку, а мысли его были где-то за пределами досягаемости.

Петр и Валентин неторопливо шли к набережной, обогнули Академию художеств и пошли вдоль ограды Румянцевского сада к Дворцовому мосту.

– Я был сейчас у... очень близкого мне человека, друга... даже, наверное, в какой-то степени, учителя. Я ему всегда верил, как ни кому. Он старше меня, доктор наук... занимался теорией единого поля... а, года три назад, вдруг исчез. Нигде не появлялся, ничего не писал, я его маму спрашивал, а та молчала, мол, не велено говорить, а сама плакала почему-то. Я все думал, что он умер, потом уже, года через два вдруг мне сказали, что он монахом... в каком-то далеком монастыре. Вчера звонит... мол, приходи, я проездом, поговорим. Вот я у него там... и был, – Петр мотнул головой куда-то в сторону, – поговорили... Ты знаешь, я его знал лет двадцать... да нет, больше, двадцать семь, представляешь. А встретил сегодня и не узнал, другой человек. Как может взрослый человек за три года так измениться, не пойму. Нам с ним не о чем было поговорить, как чужие. Смотрит на меня, как на безумного, с состраданием, а я на него, также... мы все точно сошли с ума. Он наказан, я знаю, он слишком близко подошел к истине и потому был наказан. Туда нельзя заходить, я ему это говорил и не раз, вот теперь расплачивается... своим разумом, свободой, волей. Все потерял, все, безвозвратно...

Валентин слушал молча, не вступая в рассуждения Петра. После того вечера для Валентина Петр открылся со всей иной стороны, он увидел, а теперь и понимал, насколько внешность может быть обманчива и за этой гротесковой, нелепой фигурой, поведением, внешним сумбуром, лежит такая безграничная преданность и вера в русский народ, его культуру, историю, науку, что Валентин для себя даже представил Петра на фронте – вот он на невидимой передовой и сражается, как может, защищает своей любовью отечество, город, в котором он прожил всю жизнь, от неведомого никому врага, и что защитить, скорее всего, уже невозможно.

– Тот, кто принес в этот мир религию, тот же и дал этому миру науку, – Петр произнес это уже даже и, не обращаясь к Валентину, он разговаривал с кем-то невидимым, ему сейчас он открывал некое, выстраданное, понятное, то, что необходимо обязательно передать, сохранить, не потерять, – они не делимы, сущность у них одна, значение – сокрытие истины! Я давно об этом догадывался, а недавно убедился, увидел все как на ладони, они уже даже и не скрываются, они уже здесь хозяева.

– А что, что случилось, где... – Валентин впервые напомнил о себе, Петр с усмешкой посмотрел на него и продолжил, – а, там..., я ведь с недавнего времени живу в новом районе, престижном, а дорог, как водится, не сделали, потому всегда пробки, так вот, как-то с утра на работу выезжаю, а на перекрестке затор, такой основательный, где-то далеко впереди все забито, ну и у нас со всех сторон, машины подъезжают... час пик самый, все на работу в город въезжают. Многие думают, что человек может делать сразу много дел, так вот, нет – не может. Только одно и когда он делом занят, то не может отвлечься на что-то другое, так вот, сижу за рулем на светофоре перед перекрестком и наблюдаю, как со всех сторон не смотря ни на светофоры, ни на пешеходов, по газонам, кустам, тротуарам, лезут..., по головам. Когда человек за рулем, то хочет он или не хочет, но лицо его отражает всю внутреннюю сущность – открытым становится. А там не было лиц – оскал цинизма, наглости, страха и ненависти..., ненависти ко всему... и над всем этим «единое поле» злорадного торжества. И, ведь пойми Валя, это всего лишь светофор, перекресток, а они готовы разорвать друг друга, только позволь или дай команду, а если действительно что-нибудь случится..., страшно подумать, и их же не тысячи – миллионы, миллиарды, не меньше, и вот тогда я понял, что это не люди, нет не люди, не могут люди быть такими – это зомби, прикрытые обликом человека, химеры. А людей, живых людей на Земле очень мало Валя, так мало, что и не найдешь уже, пожалуй, даже если... Он открыл... я тоже открыл, еще раньше, чем он, только молчу, не говорю ни кому... принципы «единого поля», не нужно это никому. Знания вообще никому не нужны. Ты вот, наверное, считаешь, что я ученый. А почему? А потому, что я кандидат наук – вот почему, но, вот дурак-то, ... не стал доктором, другими словами, по их мнению, законченный идиот – неудачник. Да если хочешь знать у меня каждый научный отчет это чья-то докторская, а, порой, и не одна. Бред какой-то, а еще говорят, что мы не сошли с ума. И он мне сегодня, со смиренной улыбкой,... мол, Петруша покайся, жизнь человека греховна, покайся, молю тебя и я молюсь за тебя и ты молись, Бог милостив, простит ... – зомби, а как это еще можно воспринимать... простит... ученый... ой Валя, сколько же цинизма во всем этом... бесчеловечного..., даже страшно подумать...

«Птица летела на высоте, на которую она никогда не поднималась. Она летела вперед или назад, но это не имело никакого значения. Здесь, между водой и небом, не было направлений. Иногда она отдыхала на воде, ловила рыбу, смеялась и летела дальше. Ни это ли полная свобода, думала она?»

***

В двадцать три года Дин обосновался в Америке, для того чтобы изучить историю рабства. Там он и встретил Баса. Гуляя поздним вечером по негритянским кварталам, Дин наткнулся на небольшую афишу, прикрепленную кнопками к столбу: «Афро-джаз раба Баса», внизу от руки был приписан адрес.

– Интересно, – подумал Дин, – кто это сегодня добровольно считает себя рабом, что же это за странный человек такой?

Дин нашел по этому адресу небольшой ресторан в подвале, спустившись по железной лестнице, он вошел в тускло освещенный небольшой зал с крохотной сценкой и несколькими столиками. Было пусто, Дин сел рядом со сценой, вышел официант и, не удивляясь гостю, по просьбе Дина принес, тому кофе. Через некоторое время начала собираться публика. Сначала пришли вместе несколько пожилых негров, за ними входили белые очень представительного вида, молодые люди, явно видно было, что все из академических слоев, снаружи раздавалось хлопанье дверей автомобилей, все тихо переговаривались и ждали. Народу было столько, что уже было не войти в зал, занято было практически все столики, люди стояли, где только можно было примоститься: в проходах и в коридоре, ведущий на лестницу. Дин наблюдал за публи-

кой и понимал, что явно здесь что-то необычное намечается. Ровно в полночь на сцену вышел старый негр и спросил: «Не желает ли публика сначала немного повеселиться...?», но сразу раздались возгласы: «Бас! Бас!», негр поднял руку вверх, в знак того, что он все понимает и медленно ушел. На сцене загорелся свет. Вышел негр, лет пятидесяти, в идеальном смокинге, в белоснежной рубашке с бабочкой, лакированных туфлях и с огромным контрабасом перед собой. Инструмент был явно старинный и, как эксперт, Дин определил с близкого расстояния сразу, что очень дорогой. Это было немыслимо, видеть здесь, на этой сцене музыканта с инструментом, место которому в самых лучших концертных залах Мира, но не здесь в подвале. Негр облокотился о высокий табурет, взял смычок, низко опустив голову, как будто прислушивался к инструменту и заиграл. Заиграл Мессу си минор И.С.Баха. Вступил хор, звучал оркестр, отдельные инструменты, голоса и, пораженный, даже оглушенный Дин слушал, как один музыкант на одном инструменте исполняет, не просто отдельные вырванные темы или голоса, а целиком произведение и явно с дирижёрской партитуры. Но, по манере исполнения, фразировке, ритмическим акцентам это был джаз – классический джаз. Явно слышны были голоса отдельных музыкантов, которых Бас, как бы приглашал к совместному музицированию, то звучал голос Маилза Дейвиса, то Рэя Брауна, или Чарльза Мингуса иногда вступал оркестр Дюка Эллингтона и так далее до конца. Дин после концерта не мог оправиться от чувства, что здесь что-то не реальное, волшебное, он встретился с чудом, и это чудо такое простое, в прокуренном подвале не умирает, а воскрешает, наполняет весь мир вокруг и внутри мрачного и опасного гетто жизнью. Жизнь там, где ее быть не может, а она есть, там, где ее не могло быть никогда. Дин ходил на каждый концерт Баса. Звучала музыка Генделя, Россини, Глюка, Бетховена. Дин был счастлив, его в течение этих нескольких дней не покидало состояние эйфории, упоения жизнью, радости, вдохновения. Наступил очередной вечер, Дин приехал заранее и уже по привычке занял свое излюбленное место рядом со сценой. Вышел старый негр и объявил, что сегодняшней концерт последний и сразу после концерта Бас уедет, так что поприветствуем его и ушел. Все захлопали, Бас вышел, улыбаясь, как всегда в идеальном смокинге, облокотился на табурет и задумался. Стояла абсолютная тишина. Так продолжалось минут пять, потом Бас с закрытыми глазами поднял смычок и, опустив голову еще ниже, чем обычно, заиграл. От первых же звуков у Дина мурашки пошли по всему телу, его обуял необъяснимый страх. Он вцепился руками себе в колени и не мог ничего понять, такой музыки он никогда не слышал, такой музыки не существует – она не из нашего мира или времени, только и думал про себя Дин. Мощь, власть, любовь, рок... тайна – все в ней было выше человеческих возможностей, человеческой силы. Дин не понимал, он – образованнейший человек не слышал и не представлял, что есть музыка, подобная этой, но Бас ее играет. Что же это. После концерта Дин понуро плелся домой и не мог поверить в происходящее, как в первый день знакомства с Басом. Только сегодня для Дина открылось, что музыка некоего неизвестного ему композитора способна человека подавить своей мощью, но она не уничтожает, а поднимает его над всем миром, давая осознать свое мнимое несовершенство. Такая грусть и даже горечь почувствовал Дин в этой неведомой музыке исполина, который, как раб, связан и нет ему возможности выпрямиться, потому Бас и исполняет ее в конце, как рок над человеческим родом. Чтобы запомнили!

Придя домой Дин первым делом принялся за поиски и сразу же без труда нашел: Модест Мусоргский «Борис Годунов» опера, XIX век, Петербург, Россия. Дин нашел фотокопии прижизненных партитур оперы и как можно более ранние сохранившиеся записи конца XIX, начала XX веков в исполнении неизвестных ему Шаляпина, Собинова...

Как же так, не понимал Дин, почему он практически ничего не знает о России? Почему ему, одному из избранных, упорно, с самого раннего детства, настойчиво, не только не давали информации об истории, культуре русского народа, а напротив, всячески усиленно вдалбливали о ее никчемности, примитивности, отсутствии какой либо самостоятельности и, самое

главное то, что народа русского как бы и нет вовсе. Это лишь скопление на большой территории наименее развитых племен с феодальным уровнем управления. Они годятся в этом мире только для черной работы, обслуживания грязных технологий и добычи природных ресурсов, что там нет и никогда небыло самостоятельного единого государственного управления. Все их развитие сведено к образованию на уровне начальной школы, отсутствием науки и культуры, как таковой и они не способны к развитию в силу природной примитивности своего ума!

Дин был в шоке. Ложь! Но масштабы лжи его ум пока не мог охватить, он просто отказывался верить в подобное. Может какая-нибудь ошибка, его ошибка? Может он, что-нибудь, не понял, пропустил..., но нет, он очень четко усвоил, с самого раннего детства, заложенные в нем знания о принципах управления и миропорядка, а с учетом его природного дарования, которое он принимал, как должное по праву рождения, он не мог ошибаться. Мозг Дина, как великолепно отлаженная машина, резко акцентировал его внимание на то, что произошло разъединение психоэмоционального первичного восприятия новой информации, и ее последующего анализа. Они противоречили друг другу в той схеме, которая заложена в человека раз и навсегда установленными понятиями: история, культура, народ. Он, всей своей жизнью безраздельно принадлежащий элите, не имел права и, даже возможности, быть подвергнут атаки психоэмоционального влияния извне. Все безукоризненно должно контролироваться холодным анализом и расчетом – воля и дисциплина являются главными приоритетами в выводах и принятия решения..., но нет, здесь, в данный момент, информация была сильнее установленных и, заложенных в нем жестким воспитанием, схем поведения и логики, она выходила далеко за пределы человеческих возможностей, она была сильнее человека. Дин провел несколько месяцев, разыскивая, по, только ему доступным каналам, архивные записи русской музыки. Он слушал народные песни, предвзято скрупулёзно анализировал партитуры симфоний, опер, слушал, а потом, для сравнения, сам исполнял сольные партии инструментальной музыки, пока не пришел к выводу о том, что здесь его семья не имеет никакой власти. Он нашел! Но, ему еще предстояло разобраться в своем промежуточном выводе, подвергнуть его бесконечным сомнениям и проверкам, но теперь понимал одно, что он остался прежним и не в его сознании или поведении необходимо что-то менять, а ему некто дал возможность соприкоснуться, только почувствовать нечто, что значительно более важно и необходимо ему, именно ему, чем вся власть его семьи на Земле.

Дин нашел Баса в небольшом домике на окраине рабочего поселка в пустыне. Таких поселков было много, безликих, пустых, привязанных временной работой к небольшому заводу, производству, шахте или чему-нибудь еще без разницы.

Дин постучал и, не дождавись приглашения, зашел в дом. Бас в белоснежных брюках и рубашке с короткими рукавами сидел в огромном кресле у окна в очках и читал книгу. При виде входящего Дина, Бас сначала снял очки, аккуратно сложил их в футляр, отложил книгу и встал, чтобы поприветствовать гостя.

– Я так и знал, что ты меня найдешь и, как видишь я прав, проходи, вот сюда, – Бас показал на свободное кресло, – садись, будем пить кофе.

Бас вышел из комнаты, а Дин оглядывался по сторонам. С наружи дом казался неказистым и небольшим, а внутри оказался довольно просторным. Много книг в шкафах, занимали почти целиком одну из стен до потолка, но больше всего Дина поразила коллекция музыкальных инструментов. Они были повсюду и старинные и современные и даже, что совсем удивило его так это наличие большого количества электронных инструментов. В углу стояла небольшая, но полная ударная установка и Дин, как замороженный, смотрел на нее. Дина с самого раннего возраста очень серьезно обучали музыки, он владел многими инструментами, но неожиданно для себя и учителей, по настоящему, влюбился в ударные инструменты. Не было дня, что бы хотя бы час, а то и по несколько часов Дин не играл на барабанах. В его особняке стояла

гигантская установка, сделанная по спецзаказу лично для него лучшими мастерами. Он даже в машине возил установку электронных барабанов, чтобы можно было поиграть в любое время, где бы он ни находился. И вот сейчас он с трепетом сел на табурет за установку, на малом барабане, как будто специально приглашая его, лежали щетки. Дин, лишь, слегка касаясь, вслушивался с закрытыми глазами в этот завораживающий шелест, когда к его звуку присоединился бархатный и вкрадчивый звук контрабаса – «See, See Rider» тихо запел Бас своим хрипло-осипшим голосом. Они играли вместе больше двух часов, сменяя, не сговариваясь, понимая друг друга, одну тему другой, как будто играли вместе всю жизнь. Потом Бас, вышел ненадолго и вернулся, катя за собой столик на колесах, уставленный чашками, кофейником, печеньем и прочим. Они уселись за небольшой столик, стоящий у окна и, молча сидели, смотрели в окно, как солнце заходило за горизонт, и просто размышляли каждый о своем.

– Нам нужен третий..., два голоса хорошо, но, я думаю, нужен третий, – сказал Бас.

Дин внимательно смотрел на Баса, но не слышал его, мысли Дина были заняты тем, что он вдруг сейчас представил своего отца, который занят управлением, глобальными планами, их реализацией, контролем и, у которого нет ни одной свободной минуты на такие пустяки, какими сейчас занимается его сын. Ему нет никакого дела до меня, думал Дин, совсем никакого. До определенного момента нам дают, как говорят, перебеситься, это необходимо, надо попробовать всего, чего хочется, конечно, под, неусыпном, контролем спецслужб, а потом со временем начинают постепенно втягивать и привлекать к основной работе. И со временем я стану как мой отец. Вдруг, совсем не последовательно, Дин спросил: «Что ты мне можешь рассказать о русской культуре, народе?»

– Ничего... я хотел сказать, что мы не знаем и не понимаем русских, совсем. Но я тебе могу рассказать, что я об этом думаю.

– Почему ты играл Мусоргского? Что-то особенное для тебя в его музыке? Что именно ты слышишь?

Бас, не отвечая, подошел и включил проигрыватель, раздался шип, треск и зазвучала «Вниз по матушке, по Волге» в исполнении Шаляпина.

– Это русская старинная песня, – сказал Бас, выключая запись, – собственно с нее для меня все и началось.

– Да, я слышал ее... ну и что, что в ней особенного?

– Моего прадеда первым доставили сюда, еще мальчиком и просто в силу того, что он имел хороший слух и голос, то хозяин, не знаю уж по каким своим соображениям, но определил его не на работы на плантациях, а в хор. После, обучил, за свои деньги, грамоте, музыке и, со временем мой прадед стал руководителем музыкального театра. Играли в основном шутовские музыкальные спектакли, и прочее... это публику забавляло. Как правило, афиши выглядели, как будто обезьяны играют на музыкальных инструментах в шутовских нарядах. Потом мой дед руководил этим театром, мой отец... Менялись музыкальные пристрастия публики, инструменты, направления, исполнители... но суть оставалась прежней – развлечение. Моя семья всегда была очень состоятельной... но ошейник раба не позволяли снять. И вот неожиданно меня, последнего в роду, вдруг, когда мне еще и шести лет не было, отправили жить и учиться в Вену. Я окончил Академию музыки и работал в Европе в различных не значительных оркестрах, сначала в Германии, потом в Париже. И вот как-то совершенно случайно проходя мимо русского ресторана решил заглянуть, вечерком..., так для развлечения. Среди всей этой шумихи, звона и гомона вдруг молодые люди запели хором вот эту самую песню. Наступила гробовая тишина... некоторые плакали... ты представляешь, они плакали, от чего!? От песни!? Которой неизвестно сколько лет и вообще, какое оно к ним-то имеет отношение...? Но меня в тот раз не это поразило более всего. Я пришел домой и позвонил своему русскому знакомому, чтобы расспросить о русской музыке, он рассмеялся тогда, ты что Бас, с луны свалился, шутил он надо мной, у нас в репертуаре полно русской музыки и симфонии, и оперы, ансамбли, мы

с тобой уж, сколько лет их пилим... но когда я ему рассказал об услышанной мною песне... он как-то сразу сник и отшутился – да не бери в голову, так воспоминания не более, мало ли у кого, что накопилось на душе. Но через месяц дал мне записи, вот этого самого исполнения песни и еще несколько. Прежде всего, я как профессионал сразу же переложил песню по голосам и, помнишь, я говорил, что меня более всего поразило тогда в исполнении, так вот это звучание басов. Но здесь за голосом Шаляпина – там, за ним, происходило совсем для меня невозможное... Понимаешь, у нас профундо вызывает чаще улыбку или удивление..., а здесь?

Неожиданно Бас встал, подошел к контрабасу и заиграл партию баса, взяв в финале предельно возможное низкое звучание...

– Буффонада, а не бас, – сказал он, отставив инструмент, и остановившись в нерешительности посреди комнаты. – Я пробовал и так и этак, гремел, орал, выл, гудел... я все перепробовал, но такой глубины, драматизма... ни то, что не взять, а и рядом не стоял. Вот что я тебе скажу: тогда что мы играем? – вскричал он, – что мы понимаем в русской музыке, которая исправно исполняется всеми кому не лень. Потом я не выдержал и однажды перед репетицией подошел к одному старому русскому виолончелисту и, пока все там настраивались, сунул ему эту партию и говорю, сыграй как надо, только финал..., он взял только несколько аккордов, так все в оркестре затихли, уставились в нашу сторону, таким диссонансом она вдруг прозвучала со всем остальным, таким не пониманием и раздражением, что я быстро, как можно скорее, ушел оттуда. Но я не унимался и пошел в библиотеку Сорбонны, где нашел слова песни – всей песни. – Бас помялся, как-то в нерешительности и вдруг совсем не последовательно сообщил, глядя на Дина, – а я знаю тебя, мы уже встречались, ты же из... этих...? – Бас сделал вращательное движение указательным пальцем, указывая и смотря вверх. – И ты ведь сам понимаешь, что не случайно пришел в тот ресторан, нет, не случайно. У вас не бывает случайностей... потому, там, наблюдая за тобой, я рискнул... и дал тебе нить... зацепишься или нет... и ждал. Зачем ты пришел? Что ты хочешь от меня услышать?

Дин до этого не проронивший ни слова, не спеша налил себе еще немного кофе и, сделав глоток, сказал: «Да собственно ты уже все мне сказал, что я хотел услышать, но, я не помню, чтобы видел тебя раньше».

– Это было в Вене, мы тогда давали «Волшебную флейту» и когда уже свет погас ты и с тобой такой старый мужчина, очень надменный, тебе, наверное, тогда лет десять было, вы появились в боковой ложе и мне с моего места в яме очень хорошо вас было видно, я весь спектакль за вами наблюдал. Этот старик тогда следил за каждым твоим движением. Странно. Это твой дед, наверное?

– Да, дед, это он... никто кроме него... я, пожалуй, с самого начала предполагал это, еще когда увидел афишу..., значит, он с самого начала все спланировал... однако, вижу работу... от них не отнимешь, умеют предвидеть. Так мы отвлеклись, что же в тексте песни тебя насторожило?

– Меня очень заинтересовало то, что там, в театре, тебе не более десяти было, а взгляд, твое поведение человека..., которому на меньше сорока, а то и старше...

– Ну, нас несколько иначе воспитывают, чем остальных детей...

– Да, вижу... – Бас подошел к книжному шкафу, вынул из небольшого ящичка листок бумаги и передал Дину. Тот взял листок и внимательно неторопливо прочитал, напечатанный на нем текст. Отложив бумагу на столик, Дин подпер подбородок рукой, прищурившись, несколько минут смотрел в окно, задумавшись, и не произнося ни слова. Потом, тихо, для себя, произнес: «Да, пожалуй ты прав, здесь есть над чем подумать».

Бас сел напротив Дина в кресло.

– Я начал для себя собирать некоторую информацию...

– Какую, к примеру...? – перебил его Дин.

– К примеру? Ну, вот хотя бы давай возьмем такой факт, – он опять подошел к книжному шкафу и достал толстую книгу, полистав ее, нашел заложенные между страниц несколько сложенных листков бумаги, заполненных написанным от руки текстом. Потом одел очки и начал неторопливо вслух читать: «Сегодня многие в научном сообществе считают, что наша современная наука – это наука наблюдения и опыта, научного метода – который был открыт в семнадцатом веке, когда Галилео Галилей впервые показал свой самодельный телескоп. Как эта новая наука отличается от предыдущих подходов к изучению физических явлений? Доктор Дин Радин, директор лаборатории в Институте Нэотических наук в Петалума, штат Калифорния, объясняет: "Классическая физика началась в семнадцатом веке, когда пионеры, такие как итальянский математик Галилео Галилей, французский философ Рене Декарт, немецкий астроном Иоганн Кеплер, и английский математик (и алхимик) Исаак Ньютон выдвинули новую идею. Идея заключалась в том, что с помощью экспериментов можно было бы больше узнать о природе, а с математикой, более детально ее описать, и что еще более важно – предсказать. Таким образом, родился рациональный эмпиризм. Классическая физика была расширена и существенно уточнена в XIX и XX веках корифеями, как Джеймс Клерк Максвелл, Альберт Эйнштейн, и сотнями других ученых. Эта физика – называется классической, или ньютоновской, или физический материал – внес огромный вклад в наше понимание Вселенной, в которой мы живем, и в результате было положено глубокое положительное влияние в общее состояние и развитие человека. Производство продуктов питания, здравоохранение, экономика, образование, транспорт и т.д., и т.д., все было значительно улучшено в результате научных приложений, предоставляемых с помощью анализа и опыта. Без сомнения, материальная наука это благо для человеческого рода. И т.д. и т.п. Нильс Бор показал, как квантовая концепция может объяснить строение атома (1922 Нобелевская премия). В 1924 году Луи де Бройль предположил, что материя имеет волнообразные свойства (1929 Нобелевская премия). В 1926 году Эрвин Шредингер разработали формулировку волнового уравнения квантовой теории (1933 Нобелевская премия). Американский астроном Эдвин Хаббл доказал, что Вселенная расширяется, Хаббл также предположил, что наша вселенная, естественно должна иметь начало; то есть момент, когда вся материя была объединена в одной точке, прежде чем она начала расширяться. Со временем это «начало» стал позиционироваться, как то, что мы сегодня называем теорией Большого взрыва Вселенной, или момент когда материальная вселенная возникла на фоне полного небытия в огромном порыве тепла, света и материи...» – Бас, не дочитав, отложил страницы и спросил: «А где русские были все это время, когда развивалась, так называемая мировая наука, философия, в конце концов, общечеловеческие принципы миропонимания... миропорядка? – Бас, говорил медленно, с расстановкой, заостряя и делая акценты на именах, подчеркивая интонацией их значение в тексте, и вдруг спросил, – Дин, а ты помнишь свою мать?»

– Нет, не помню, – прекрасно понимая, к чему ведет Бас, покачал отрицательно головой Дин.

– И я не помню, – Бас откинулся на спинку кресла и, глядя в окно, мечтательно пропел, по-русски – вниз по матушке, по Волге, – потом немного помолчал и продолжил, – матушка, что для русских матушка... слово-то какое и к кому – к реке. Песня обрывается... и какая в этом их скорбь, какая внутренняя боль... общая. Поди, сыграй это... нет, нам такое не дано. Они летают в космос, овладели атомной энергией, имеют оружие, которое и не снилось никому..., а самое главное, – они же не проиграли ни одной войны! Вот что самое главное – война, война ведется против русских... бесконечная, и здесь, – Бас потряс рукописными листками, – и здесь, – Бас показал на лист с напечатанным текстом песни, – и там, – указал на стоящий неподалеку супермаркет, – и везде..., для «вас» они по какой-то причине враги...

по какой? Чего вы добиваетесь, что русские из себя представляют, что ваши семьи пытаются веками уничтожить и не могут?

– Ничего, просто так... – Дин сказал это, не очень даже представляя, что он говорит в данный момент, просто это само вырвалось...

Бас встал, не спеша подошел к книжному шкафу, достал небольшую книжку и открыл страницу, заложившую закладкой, одев очки, неторопливо прочитал: «Невежество Холмса было так же поразительно, как и его знания. О современной литературе, политике и философии он почти не имел представления. Мне случилось упомянуть имя Томаса Карлейля, и Холмс наивно спросил, кто он такой и чем знаменит. Но когда оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении солнечной системы, я просто опешил от изумления. Чтобы цивилизованный человек, живущий в девятнадцатом веке, не знал, что Земля вертится вокруг Солнца, – этому я просто не мог поверить!

– Вы, кажется, удивлены, – улыбнулся он, глядя на мое растерянное лицо. – Спасибо, что вы меня просветили, но теперь я постараюсь как можно скорее все это забыть.

– Забыть?!

– Видите ли, – сказал он, – мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных.

– Да, но не знать о солнечной системе!.. – воскликнул я.

– На кой черт она мне? – перебил он нетерпеливо. – Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?»

Бас отложил книгу в сторону, снял очки.

– Это же ваша система передать для своих, тому, кто понимает, что все это, – Бас кивнул на записи, – бесполезная рухлядь. Мир наводнен, пустым, ничего не значащим хламом, таким образом, чтобы туда уже просто не поместилось нужное, полезное и важное, а русские это знают, и вы боитесь, что рано или поздно правда всплывет, потому они враги?

– Они вообще не воспринимают ничего искусственного, хотя их мир на несколько порядков более всех других народов, вместе взятых, заполнен пустой, безликой, желеобразной массой, а они все равно, остаются, в своей сути, недоступны, невосприимчивы, чисты. Ты все верно рассчитал, действительно тема «Бориса Годунова» является той связующей нитью, где переплетено практически все. Это высшее знание! Потому русские: сначала Пушкин, затем Мусоргский, а завершил Тарковский своей постановкой, все это именно так. Мы так торопились, чтобы именно на сцене Ковент-Гардена сделал свою постановку Андрей Тарковской, – глаза у Дина светились каким-то не естественным внутренним светом и говорил он как будто тому, кого здесь нет, но кто слышит и все понимает, – ничтожества, они думают, что вошли на трон, безумцы..., мы даже не понимаем с кем имеем дело, а... потом, когда уже праздновали полную победу, да именно тогда, когда наша постановка перенесена была в Петербург... все, казалось, что мы наконец-то вошли в Столицу, Победа! Власть! Ты правильно сказал – ни то, что не можем, а и рядом не стояли... и это именно так, по-другому невозможно. Они знают правду..., мы незнаем, а они очень хорошо все понимают и правда, да, очень горькая

всплывет из этого зловонного океана лжи и что тогда будет... , что будет с нами? Русские могут совершенно спокойно и без всяких проблем, хлопот со своей стороны уничтожить нас в любой момент, стереть, а они этого не делают. Мы уничтожаем их, унижаем, а они терпят... , зачем, им только пальцем пошевелить и нас не будет, но нет, потому что здесь не все так просто и дело вовсе не в нас... , они для нас недостижимы, как бесконечность. Все вопросы и все ответы находятся в Петербурге – Столице всего мира, а может даже и не только этого. И когда мы вошли туда, то посчитали, что победили... кого... русских? Мы все сошли с ума...

Они сидели молча, каждый был погружен в свои невеселые мысли.

– Я тогда все бросил и приехал в Америку, я просто не знал куда податься, – Бас говорил все это для себя, чтобы понять, и чтобы задать Дину вопрос, который он носил с собой с самого детства и вот сегодня он может получить ответ на него, – что делать и решил для начала найти дом своих родителей. Приехал сюда, – Бас оглядел комнату, – они здесь и не жили почти, они ведь артисты, все время на гастролях, вся жизнь на колесах. Потом я поехал в Новый Орлеан и вот там, на вокзале я услышал то, что и раньше много раз слышал, но не придавал значения, а здесь я неожиданно остановился и слушал, как старый негр под гитару пел что-то для себя. Он не просил ни о чем и никого, просто пел для кого-то неведомого, того, кто слушает. Он был слепым, видимо не от рождения и пел так хорошо, так просто, это же мои корни, твердил я тогда себе, ты носитель этой же самой музыки, культуры, почему ты не можешь быть тем, просто тем, кем ты есть по рождению своему, значению, что ли, в этом мире. Это открытие натолкнуло меня на мысль получше узнать о жизни своих родителей, об их творчестве. Я изучал историю джаза, течения, основных музыкантов, пока в какой-то момент меня не осенило, конечно, это не открытие ни какое и даже не понимание, просто все встало на свои места, когда я сказал себе: а ведь если и есть какой-то значительный вклад Америки в мировую культуру, так это джаз, как объединенное творчество многих народов в единую импровизацию фольклоров, инструментов. Особенно меня интересовали ансамбли, где неожиданно для той эпохи собрались музыканты разных национальностей, вероисповедания, цвета кожи. Что-то же объединяло их, хотя по закону, должно было разъединить, и я открыл для себя творчество Бенни Гудмена и Билла Эванса, они имели русские корни, а также музыку Джорджа Гершвина, которая вся навеяна украинскими народными песнями. Эти музыканты как бы говорили мне: «Ищи свой голос Бас, неповторимый, бесконечно родной и близкий для тебя звук, тембр, ритм и тогда все сразу встанет в этом мире на свои места». Я искал, долго искал, а ответ пришел сам, видимо только тогда, когда я стал готов воспринять эту простую истину... и такую сложную, как сама жизнь. Сидя дома я по радио случайно услышал «Эбеновый концерт» Игоря Стравинского в исполнении Бенни Гудмена, дирижировал сам Стравинский. На следующий день я спросил руководителя оркестра, в котором тогда работал, а не попробовать ли и нам сыграть что-нибудь подобное... , он посмотрел на меня как на чокнутого... и тогда я решил, Бас надо играть настоящую музыку и ты будешь ее играть, как сможешь, но то, что ты понимаешь, любишь, ценишь. Я стал давать сольные концерты. Не сразу сложилось это звучание... видишь ли, очень трудно зарабатывать на жизнь, играя на потребу моде и выкраивать время, силы, на свое творчество... , практически невозможно, они взаимоисключают друг друга. Но что делать, что делать... , я понимаю, что не изменю ничего в этом мире, но, может быть, у кого-нибудь своей музыкой, посею тень сомнения в том, что этот мир справедлив... , надо играть настоящую музыку и, что для меня, то я не оправдываю и не прощаю... , никогда не прощу всю эту пошлость, бездарность, которая правит нами... , вот почему я говорю, что не только я раб, сын раба, а все мы рабы у этой... не знаю, как ее там зовут, ну ты понимаешь... о ком я. Это же должно когда-нибудь закончиться? А? Что скажешь, ведь ты знаешь ответ...

– Когда-нибудь обязательно все заканчивается, – усмехнулся Дин, – будь спокоен, закончится..., ничего не останется...

Бас расхохотался, а чуть успокоившись и вытирая платком глаза, сквозь смех сказал: «Ну, спасибо приятель, вот рассмешил, так рассмешил... ты, оказывается, тоже хочешь, чтобы все закончилось, пусть как-нибудь, но поскорее... да? Ну, вот и встретились...» – и снова захохотал. Дин, тоже заразившись смехом Баса, улыбался...

«Птица теперь все больше времени проводила на воде. Стала стареть, быстро уставать, чаще надолго задумываться, да смотреть на звезды. Птица мягко парила над океаном, когда увидела две звезды. На ясном небе одновременно появились и луна и солнце. Солнце казалось близким, родным, а его тепло, свет чувствовались телом, душой. Птица верила солнцу, а неотрывно смотрела на Луну. Холодное, призрачное видение из ночи и холода, было здесь и, казалось, имело на это право».

***

Женщина не помнила из своей прошлой жизни ничего, совсем ничего. Она жила всего несколько месяцев, с того момента, как очнулась в автомобиле рядом с ударной установкой и контрабасом. Вся она была тогда перевязана и упакована в особый каркас, как в скафандр, в котором практически невозможно было пошевелиться. Шевелиться ей тогда и не особо хотелось, потому что было очень больно, как ее сумели собрать, что она вообще на человека стала похожа и то не понятно, видимо работали хирурги экстра-класса. Всегда были рядом и ухаживали за ней двое: негр, который все время улыбался и сурового, даже надменного, вида мужчины. Она лежала в особой лечебнице, через полгода врачи практически вытащив ее с того света, сообщили ей, что она здорова и может идти, куда ей заблагорассудится. Ей сообщили также, что ее сбил на полной скорости грузовик, что она чудом осталась жива и, самое главное, она может вести вполне нормальный и полноценный образ жизни здоровой женщины, за исключением памяти, врачи не берутся судить, восстановится она со временем или нет.

Женщина стояла перед зеркалом и смотрела на себя. По всему телу, лицу и рукам шрамы, кроме ног, странно, думала она, а почему ноги остались не поврежденными. Как только ей разрешили ходить, женщина повела себя сразу очень странным образом, она постоянно делала змееподобные движения руками, изображая видимо крылья, или змей, кружилась, постоянно, вставала на носки..., было очевидно – она бывшая балерина и тело, независимо от нее, жило своей жизнью, оно помнило то, что сама женщина забыла или потеряла. С ней активно занимались лучшие специалисты, пока не признали, что она полностью физически восстановлена. Тогда ее из больницы забрали эти двое, посадили в машину, которую она запомнила по первой своей поездке в ней, и куда-то повезли. По дороге они остановились в небольшом горном городке, где в местном магазине закупили много всего, а она, увидев отдел с яркой бижутерией забрала практически все, даже не объясняя, зачем ей эти дешевые украшения в таком количестве, но Дин не спрашивал, он просто оплатил все, что она выбрала. Женщина все время молчала, да конечно у нее было повреждено горло и голосовые связки, но молчала она, как сказал психолог не потому, что физически не может говорить, а: «Пока ей нечего сказать, но она заговорит..., когда-нибудь. Вы должны понять, что она застыла в своем промежуточном психологическом состоянии, и для нее время остановилось..., нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, а есть некий последний яркий запомнившейся момент, в котором она находится постоянно..., терпение и еще раз терпение». Это было сказано только Дину, наедине. Дин знал эту женщину, знал давно, даже в какой-то степени можно говорить о том, что он знал ее всегда. Дин прекрасно понимал суть происходящего, смысл, который кроме него больше ни для кого не являлся важным, а скорее, необратимым. Он все сразу понял, когда в тот сырой промозглый

вечер они с Басом возвращались в его особняк после своего, теперь уже совместного выступления, их машину обогнал мощный грузовик, но еще до грузовика, Дин опытным глазом отметил, что на дороге по какой-то причине нет машин: «Нас отрезают...», точнее уже отрезали, чтобы не было никого», – сразу мгновенно, как команда прозвучала в голове Дина. В той или иной степени он уже был готов к чему-то подобному, видимо время игр для кого-то закончилось и им понадобился Дин, потому, по, давно устоявшейся схеме, ликвидируются все связи, все хвосты, а в данном случае еще и с подчеркнутым назиданием о недопустимости в дальнейшем подобного рода, с его стороны, вольностей. Все правильно, в первую очередь ликвидируются самые близкие и наиболее чувствительные связи, чтобы не было, впоследствии, иллюзий. Зачем они дают тогда возможность, хотя бы повод, чтобы возникли эти чувства, мысли, идеи..., не для того чтобы именно чудовищная, бесчеловечная жестокость и необратимость наказания являлись в дальнейшем единственным стимулом и регулятором в общении с кем бы то ни было.

Дин, после окончания университета, некоторое время жил в Италии. В Венеции на гастролях короткое время, проездом, была малоизвестная балетная труппа и Дин, вечером пошел на балет, давали «Спящую красавицу» Чайковского. Аврору танцевала молодая балерина, которая в программке значилась под псевдонимом Диана. Дин был поражен ее красотой, изяществом и невероятным мастерством, она стала для него открытием чего-то нового, неизвестного, чудом. Музыка, сюжет сказки, великолепие танца и, как показалось тогда Дину, весь мир вокруг него наполнился очарованием доброго волшебства, внутренней легкости и радости от осознания бытия, природы, искусства. Дин стал специально ездить на ее выступления, чтобы повидаться с ней, но не лично, а просто побыть рядом, видеть ее из своей ложи, хоть короткое время, в этом удивительном мире беззаботного упоения музыкой, красотой, танца...

Дин сидел в своем родовом замке, в своем кабинете перед потрескивающим огнем в камине и размышлял, а скорее оценивал ситуацию.

– Понимал ли я, что делаю и к чему все приведет? Конечно, понимал. Понимал ли я, что именно в тот момент, когда я обратил на нее внимание и позволил себе увлечься ею, я обрек ее на неминуемую смерть, более того на мучительную смерть...? Понимал... Тогда, кто я такой? Зачем я, понимая все это... – перед его глазами стояла картина, как грузовик, обогнал их, специально подрезав, что бы Дин понял, немного притормозил, сзади открылась дверь фургона и они выкинули ее тело на обочину, так что бы Дин в свете фар прекрасно все видел и сделал соответствующие выводы. Дин обязан был ехать, не останавливаясь, за грузовиком, а он остановился. Против логики, здравого смысла, против их закона..., он остановился, потому что знал кто это. Но, самое главное, он знал, что так произойдет, он ждал этого, ждал каждый день. – Это дед и он дает понять мне и только мне, в обход системы, что ему я необходим. Почему? Потому, что она жива! Система, – Дин как-то представил ее схематично визуально и усмехнулся, – их система: Влияние ей имя. Влияние и ничего другого. Ели бы это был отец..., страшно подумать, а здесь он, таким способом, назначил мне встречу..., это дорогого стоит, что-то по-настоящему серьезное произошло, коли дед вызывает меня лично. Он что-то знал и готовил еще намного раньше, коли, по словам Баса, он следил за мной во время «Волшебной флейты»..., ему нужна была моя естественная реакция на те коды, которые были заложены Моцартом..., он меня лично курировал, с детства, только в этом возрасте закладываются принципы управления системой и, при этом получается, что он не поставил в известность отца..., он исключил его. Он создал параллельную систему, о которой вообще никто пока не догадывается, на принципиально новых кодах! – Дина от этого заключения немного передернуло, но, в тоже время, он почувствовал в себе истинное дыхание влияния и той власти, которой обладала его семья и, которая передается ему – вот смысл происходящего...! Нет необходимости теперь рассуждать или действовать..., он назначен и, потому, все в системе уже приведено в

действие с учетом иерархии, где ему отведена ключевая роль. В системе, их системе, где все основано на предрасположенности..., ну, вот кто мог знать, что мы сюда приедем..., никто и ни как, однако, уже за несколько дней до нашего приезда здесь появился целый штат obsługi и весь замок был подготовлен для проживания... хозяина и его гостей!

***

Первосвященник сидел на коленях в темном углу огромного зала храма, спрятав руки в рукава и накрыв голову капюшоном, он весь безостановочно трясся от страха. Он все откладывал для себя признание того, на что он согласился, а теперь, когда все пути к отступлению были отрезаны и он совершил, то чего от него требовалось..., что теперь, а если все о чем думал, о чем мечтал, не сбудется, что делать..., ему тогда нигде не найти убежища..., вечный изгнанник..., что же делать..., что же делать..., он сейчас войдет...

Раздались шаги Иерофанта, медленно поднимающегося по мраморным ступеням храма. Тишина стояла абсолютная, слышно было только, как разговаривают между собой лодочники далеко на берегу реки. Иерофант вошел в храм, прошел до его центра и остановился под куполом, люди прижались к полу, каждый находящийся в храме, физически ощущал ядовитое неумолимое заполнение внутрь него страха.

– Учитель, – прозвучал тихий, четкий, и острый, как нож, голос Иерофанта, – следуй за мной.

Первосвященник вскочил на ноги и бросился вслед за уходящим Иерофантом. Они вышли из храма на задний двор, где находился небольшой уединенный сад, первосвященник семенил, не разгибаясь, ориентируясь только на тень идущей впереди фигуры. Иерофант опустился на мраморную скамью, стоящую у небольшого пруда, где плавали большие золотые рыбы. Несколько минут стояла тишина, первосвященник сидел на коленях на земле, низко опустив голову, накрытую капюшоном.

– Говори, – приказал Иерофант очень тихим голосом, почти шепотом.

– Я передал им твои наставления и печать, как ты велел мой господин. Они приняли с великим трепетом и вдохновением, сразу возвестили народу твою волю, и было великое служение и праздник, – таким же тихим шепотом доложил первосвященник.

– Что возвестил оракул? – наклонившись к самому уху первосвященника, прошипел, а не спросил Иерофант.

– Я передал ему твои дары, мой господин, – совсем сжавшись в комок, заикаясь, промямлил первосвященник, – он возвестил, что настало время и в мир пришел великий единый для всех народов духовный учитель, который поведет их к духовному просветлению и миру.

Иерофант удовлетворенно выпрямился. Долгое время они молчали.

– Встань, – приказал Иерофант, первосвященник вскочил как ошпаренный, – сядь на скамью, – тот повиновался, – смотри на воду, – первосвященник, не соображая, что происходит, уставился на воду в пруду, где плавали рыбы, – что отражается в воде, видишь?

– Храм, мой господин, – как только он произнес эти слова, на колени первосвященника легла большая книга, завернутая в мягкую темную ткань.

– Отныне станешь единым для всех народов духовным учителем, вот книга, продиктованная тебе высшими духовными небесными иерархами. Отныне и навсегда все народы, все правители беспрекословно подчинены тебе, будешь проповедовать им духовное учение и разъяснять суть написанного от моего имени. Понял?

– Понял, мой господин, – такого первосвященник не ожидал даже во сне, он назначен властителем всего мира самим Иерофантом, первосвященник упал на колени и стал, обливаясь слезами благодарить и восхвалять Иерофанта.

Иди, – прозвучал сухо голос с чувством отвращения.

***

Хотя из долины замок, стоящий на верху, выглядел не очень большим, но на самом деле он был огромным. Он располагался на ровном горном плато, площадью больше двух километров, стоял ровно посередине и состоял из самого замка в виде каскада остроконечных башен и расходящихся от него четырех примыкавших к нему рукавов овальной неровной формы. Сверху замок напоминал какой-то невиданный распустившийся узорчатый четырехлиственный цветок. Дин иногда приезжал инкогнито и жил в замке по неделе, а то и две, да так, что никто и не знал об этом в долине, кроме управляющего, но тому не велено было никому сообщать об этом. Потому Дин всегда считал, что замок безраздельно принадлежит одному ему. Отец вообще ни разу не приезжал сюда и не собирался. Дин помнил, как его в первый раз еще в детстве привез сюда дед. Они жили здесь всего несколько дней, и за это время дед не отлучался от Дина и не оставлял того одного, а водил его по бесчисленным комнатам и залам, объясняя значения разных реликвий, символов и знаков. Дин понимал, что для его семьи замок является исключительно культовым сооружением, в котором нет необходимости жить, да и неудобно здесь было жить по сравнению с теми особняками, которыми владела его семья по всему миру. Но, в это раз система сработала по-особенному. По тому, с какой тщательностью здесь все было подготовлено к его приезду, для понимающего все эти действия Дину, означало только одно, что хозяин здесь поселился надолго, возможно, даже, навсегда. Каждый из рукавов замка, оставаясь внешне цельным трехэтажным единым зданием, внутри был поделен на четыре отдельных самостоятельных дома, не имеющие даже ни одной общей стены, а разделенные между собой широкими коридорами, с отдельными входами, комнатами для прислуги, гостинными, кабинетами, столовыми, спальнями, ванными и так далее. В центральной части замка располагался огромный зал неправильной сложной геометрической формы, в общем виде отдаленно напоминавший звезду. Этот зал был самой старой частью замка. Из зала вели четыре извивающиеся в замысловатых фигурах лестницы в каждый из рукавов, с отдельными ответвлениями на вторые и третьи этажи. Для каждого из гостей уже заранее были приготовлены комнаты в каждом отдельном рукаве. Для Дианы дом с огромной пустой гостиной, в котором находилось на всю стену зеркало, для Баса небольшой уютный домик, Дин занял свой обычный огромный особняк. Пустовал один из рукавов, как говорил Бас – для третьего голоса.

Психолог, приглашенный Дином, для наблюдения и консультаций за Дианой предупредил того, что она будет вести себя порою, не отдавая отчет в том, что делает и где находится под влиянием остаточной памяти, которая пока единственное что связывает ее с людьми. Потому следует относиться к этому, так, что бы она понимала свое поведение как естественное и самое главное, что она ждет на подсознании к себе одобрения окружающих, а не отрицания ее. Со временем она начнет осознавать себя уже в реальности, но это именно постепенно, чтобы не было фатального пробуждения для нее. Психолог, допустил, что трагедия произошла, когда она была на сцене и танцевала, произошел резкий перепад эмоций с последующей потерей сознания. Потому вероятней всего она на подсознании все еще танцует, она цепляется за ту реальность, образно говоря, чтобы не погибнуть, это видимо более для нее важное, значимое, чем то, что произошло и то, что она видит сейчас в реальности. Пусть танцует, не мешайте ей, танец должен быть закончен в ее сознании.

– Почему же он за последние два года ни разу не ходил на ее спектакли, – думал Дин, – он ее очень часто вспоминал в этот период, но, даже мысли не возникало посмотреть, что у нее и как.

Дин навел справки о ее жизни: Диана – сценический псевдоним, интерпретация от имени Надя, русская балерина, будучи на гастролях в Европе в составе молодежного театра приняла решение не возвращаться на Родину, а остаться на постоянное жительство в Европе. Получила

несколько предложений от второстепенных трупп. Три года выступала в одном провинциальном театре, пока по финансовым причинам тот не закончил свое существование. Репертуар чисто классический. Ни от одного из ведущих театров предложений не поступало. Последние два года не имела постоянной работы, подрабатывала в коммерческих проектах современного балета и других... Погибла во время взрыва в ночном клубе... полгода назад. Дин отложил записку.

– Это отец, – убежденно, для себя, вслух произнес Дин, – в каждом слове, в каждом событии ее жизни видна четкая система его отца. Взрыв, да он ее убирал..., экстренно, но дед вывел его и потому подготовил все так, чтобы она погибла от рук отца, в то время как она жива, – и опять Дин пришел к тому, что события в системе разворачиваются независимо от отца и нити влияния замыкаются на нем.

Диана жила в замке и вела себя совершенно нормально, да она пока еще не говорила, но активно участвовала в беседах, смеялась, шутила, пользуясь активно мимикой и жестами. Внимательно слушала, когда Дин и Бас репетировали и разбирали новые произведения, даже что-то подсказывала им, а когда они попробовали использовать электронные инструменты, то она активно подключилась к этому их начинанию, став их постоянным оператором. Но все-таки некоторые вещи пока она не могла преодолеть в себе, находясь как будто в коконе. Хотя в ее шкафах было полно различной одежды, специально приготовленной для нее, но рассматривая ее и перебирая, даже примеряя порой, всегда оставалась в том, в чем она была в больнице, когда Дин и Бас забрали ее с собой и привезли в замок. По какой-то, только ей видимой причине, она носила небольшой короткий кусок узкой, прямоугольной, светлой ткани, с широкой прорезью посередине для головы, надетый на голое тело, и свободно свисающей с плеч, подпоясанный вокруг талии простым куском бельевой веревки, да узкие, плотно облегающие ступни, сандалии из очень тонкой кожи, которые она нашла уже в замке. Когда ей было холодно и по вечерам она куталась в огромный сине-черный плащ, который также где-то нашла в замке, подол которого тянулся за ней как шлейф, когда она шла в нем. Как только, по приезду, Диана уединилась у себя в комнатах, она сразу надела на себя всю бижутерию, которую Дин купил по ее просьбе. На шее, запястьях, лодыжках, было надето большое количество каких-то бус, браслетов, цепочек и прочего. Диана практически постоянно была в танце. Танец был настолько естественен, что любое движение, пешая прогулка или, все что угодно она превращала в танцевальный спектакль. Иногда шуточный, иногда трагический, но это был именно спектакль. Но иногда случался рецидив, и Диана вдруг неожиданно становилась чужой, отчужденной, яростной и грозной. В эти моменты взгляд ее, широко открытых глаз, останавливался, в лице проступала озлобленность и одновременно отчаяние. Она падала на колени руки, руки сами по себе вдруг проходили, устремляясь кверху снизу через прорезь ткани, она вскакивала и начинала абсолютно голой с остервенением танцевать. Но это трудно было назвать уже танцем, это напоминало скорее полет птицы над океаном, она, широко расправив крылья, неслась над бушующим океаном, а бусы, браслеты издавали при этом какой-то лязгающий непрерывный звон. Птица бешено и исступленно носилась по огромному залу и вдруг неожиданно, в какой-то момент, Диана останавливалась, замирала, потом резко, как от удара, скрючивалась, закрыв лицо руками, и падала на пол, потеряв сознание. Каждый раз, когда Дин и Бас наблюдали повторяющийся ее последний танец, бесподобно красивый и одновременно страшный в своей жестокости и предрешенности гибели, они понимали, что вывести ее из этого состояния обреченности может только музыка, та, которая звучала в то ее последнее выступление. Они перебирали различные варианты, пока Дин не пришел к выводу, что дело не совсем в музыке, необходимо составить собирательный образ из имени, сценического действия и сущности той Дианы, которую он помнил. Отец, понимал Дин, всегда ставит своей целью сломать человека, привести его естественным путем к внутренней трагедии, да так, чтобы сломленный человек пришел же к нему, не ведая, а как к своему единственному спасителю. С этого момента Дин

понял, где отец направил на него свою власть, ломая волю Дианы. Дин это знал, потому что он сын своего отца, внук своего деда, он система, которая работает без сбоев.

Дин вычислял и нашел решение – это была суть темы «Царь Кандавл», там, где Диана в роли жены появляется обнаженной перед невидимым пастухом! С этого момента Дин уже знал, где искать и, что впоследствии произойдет. Партитура Асафьева 1925 года была Басом переработана, и они с Дином терпеливо ждали, когда Диана сама откроет этот ларец, как образно представлял себе это момент Дин, но он также понимал, что это только часть плана его деда и, насколько Дин проявит себя, будет безукоризненно точен, последователен в своих выводах, зависит многое, если не сказать все – все зависит от его решения.

Диана сидела перед компьютером в наушниках и прослушивала какие-то отдельные музыкальные темы с форумов, где разные музыканты выкладывали свои небольшие композиции, главным образом экспериментируя с электронным звучанием. Они втроем готовили новую программу, где впервые решено было использовать электронные инструменты и главным образом использовать некое абстрактное фоновое звучание на основе, подсказанного им Дианой, некоего театрального звукового оформления их сценического образа. Диана уже более недели подбирала различные варианты специфических звуков и эффектов, когда вдруг неожиданно она вскрикнула и вся выпрямилась, быстро, не снимая наушники, она встала и стояла так, не шевелясь, как изваяние, пока видимо не окончилась музыка. Потом она сняла наушники, спокойно и даже отрешенно начала свой танец. Дин и Бас ждали этого момента, но все пошло не так как они планировали, потому что Диана впервые издала голосом хоть какой-то звук, а здесь был не просто членораздельный звук, а крик раненной птицы и, не снимая, как обычно одежды, она вдруг с отрешенным видом подняв руки над собой, медленно двигалась по кругу, как будто обозначала медленное движение травы в течение реки. Так продолжалось несколько минут, Диана плавно двигалась на носочках змейкой по залу изгибаясь, как тонкое и гибкое растение.

– Надя, – тихо и внятно произнес Дин, как будто звал ее, – Надюша..., – потом он махнул рукой и Бас заиграл. Диана остановилась и прислушалась к чему-то, на ее лице появилась счастливая улыбка и она начала танцевать партию Дианы-охотницы, став в данный момент именно такой, какой ее помнил Дин в театре – счастливой, прекрасной, волшебной. Закончилась ее партия, наступила тишина, Диана остановилась и, не понимая где она, стала осматриваться по сторонам, вдруг глаза ее закатились и она стала падать, но Дин был уже готов и подхватил ее, после чего вместе с Басом они отнесли ее к ней в комнату и положили на кровать, Диана крепко спала.

Дин сидел рядом у изголовья Дианы и смотрел на ее изуродованное лицо и руки, но не видел всего этого, а он видел удивительной красоты женщину с мягкими чертами лица, слегка улыбающуюся беззаботностью ребенка во сне, спокойное умиротворение во всей ее фигуре, слушал ее спокойное дыхание и мысленно молчал. Дин молчал, ничем не выдавая своего присутствия, как охотник подстерегающий добычу из-за сады. Один неверный звук и добыча уйдет. Он терпеливо ждал пробуждения Дианы.

Диана открыла глаза, некоторое время она смотрела вверх в потолок, а потом опустила глаза и посмотрела прямо в глаза Дина.

– Дин?! – удивленно спросила она, – а ты откуда здесь? – улыбнулась она ему.

Дин молчал, он ждал дальнейшего развития событий. Диана тоже ничего не говорила, а только смотрела на него и улыбалась, занятая своими мыслями. Прядь волос лежала на щеке Дианы и Дин, очень осторожно приподнял руку, чтобы... но реакция была молниеносной – Диана в ужасе мгновенно свернулась вся в комок, видимо защищаясь от удара. Дин застыл как изваяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.